

Елосей Ительмах

УСТРАНИТЬ

НЕЛЬЗЯ

ПОМИЛОВАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елофея Штельмах

Устранить нельзя помиловать

<https://litres.ru/74284374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вист не верит в официальную версию гибели отца. Чтобы докопаться до правды, он соглашается служить на той же пограничной заставе. Здесь нечисть — полноправные граждане, а каждый сослуживец — потенциальный свидетель или соучастник. Найти связь между странностями и смертью отца оказывается намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Висту придется прислушаться к своему внутреннему голосу и узнать, что на этой границе правда — самое незаконное явление из всех.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Дуб	5
Глава 2. Человек-Утюг	23
Глава 3. Зарядка	41
Глава 4. Уроки хороших манер	54
Глава 5. Гуманизм	65
Глава 6. Присяга	76
Глава 7. Сосед	89
Глава 8. Шлагбаум	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Устранить нельзя помиловать

Предисловие

«И хоть и не первая она в жизни Алексея Васильева — электромонтажника 10 цеха — надо прочитать, ведь грамота на сей раз за песню на клубной сцене! Все у него ладится: работает с душой, поет и в спортивных соревнованиях выступить всегда готов. Есть у Алексея заветное увлечение — мастерить поделки и показывать фокусы. И душа у него всегда открыта для добрых дел», — Газета Знамя Труда.

10 апреля 2017 года умер мой дедушка Леша. Хочу поблагодарить его за все, что он для меня сделал. Дедушка служил пограничником, и его истории, возможно, иногда выдуманные, всегда мне нравились. Теперь я выдумала свою историю и своих пограничников.

Глава 1. Дуб

*Спокойствие ваше в труде мы кует.
Нашу славную Родину мы озарили
Светлым и чистым огнем!*

*Славься лучи и петарды!
Нечисть — прячься в лесах!*

Мы — устранители гадов.

Мы — сила в веках!

Путь наш тернист и жесток,

Но не боимся идти

Устранитель — свет и надежда Земли!

Плохое случилось в самый неподходящий для этого момент. О своем «плохом» Вист узнал за два часа до торжественного марша выпускников. Мама позвонила неожиданно и ровно в шесть утра. Ждала, чтобы рано не будить, а сама, скорее всего, не спала ночь. Мама долго плакала, заикалась и просила не нервничать. Как тут не занервничать, если мать в истерике бьется? Папа — герой страны, самый лучший устранитель незаконной магии, мастер рукопашного боя и чемпион по стрельбе в Псковской области. Взял и погиб.

В небо подняли черный флаг с золотой трехглавой жарптицей. Гимн неприятно оборвался треском в динамиках громкоговорителя. В красивых и чистых, совсем новеньких коричневых кителях молодые парни и девушки стояли в три

шеренги около стелы с вечным огнем. По красной дорожке маршировал офицерский состав с портретом. После вынесли венки и папины ордена. Папа смотрел на Виста. Веселый, черно-белый и неживой.

Гроб в сопровождении эскорта выкатили в последнюю очередь. Военный караул отдал честь. В гробу не было папы, только урна. Вист стоял, покачиваясь от легкого дуновения ветра. Тело чувствовало, как терся друг о друга механизм протеза на правой ноге. Настоящая, живая нога уже затекла, а искусственная, титановая и пластиковая — держалась. К микрофону вышел Павел Евгеньевич, начальник пограничной заставы, где служил папа:

— Лестаков Виталий Алексеевич, майор с такими наградами, как: «за отличие в службе Устранителя Незаконной Магии России I степени», «за заслуги в управленческой деятельности I, II и III степени», медаль «за доблесть на службе», медаль «Ветеран боевых действий на Кавказе», медаль «За боевое содружество». Сегодня мы собрались здесь, чтобы отдать дань памяти настоящему герою, в первую очередь, настоящему человеку, который до последнего вздоха выполнял свой долг перед страной. Мы будем помнить его, как настоящего героя! Героя нашего родного города и героя нашей Родины!

Минута молчания длилась час. Вист стоял в первом ряду и не мог размяться, не мог нарушить целостность шеренги. В первую очередь это неуважительно по отношению к папе, во

вторую — против устава. По большей части этим «выпускникам» не было никакого дела ни до самого построения, ни до папы Виста. Поминальная речь и венки — формальность, которая проводилась для каждого погибшего на службе. Папа Виста не исключение, а еще один портрет на доске почета.

До кладбища родственников и сослуживцев довели на нескольких просторных катафалках. Вист ехал в том, где стоял гроб. Мама лежала на крышке, гладила папин черно-белый, уже почему-то грустный портрет и что-то ему говорила. Вист еще не понимал, просто плыл по течению, слушал соболезнования и смотрел на лакированный, темно-красный и окутанный во флаг гроб.

«Папы больше нет», — повторял в мыслях Вист. Он пытался всверлить правду себе в голову, чтобы уже что-то почувствовать. Но ничего не чувствовал. В отблеске гроба папы отражался он сам, почти точная копия, только убогая и слабая. Те же волосы, то же лицо. Они были похожи, как родные братья. Вист поправил правую, протезную ногу вперед, чтобы не цеплять титановым штырем папиного товарища.

«Смотри, его нет. Он умер, этот гроб настоящий», — насильно думал Вист.

С катафалка их высадили у бездорожья — широкой дороги в буграх, плавно уходящей в лесной массив. Где-то там пряталось кладбище. Мама крепко и отчего-то больно схватилась за Виста. Она подперла его своим хрупким плечом и с усилием вытащила со ступени катафалка на землю. Сырой

запах перегной щекотал нос, и Вист чихнул. Глаза намокли, кто-то подал платок и вывалил горсть кислых конфет в оттопыренный карман парадного кителя.

Они с мамой отстали от толпы. Дорога становилась хуже: глубокие лужи, липкая весенняя грязь, намытая в запруды стлая вода. Вист переваливался как пингвин, но старался держать спину ровно, словно ничего его не тормозило. Он нормальный. Такой же, как и все. Протез на правой ноге с трудом разгибался и неуклюже шлепал по слякоти, будто шел какой-то старый пьяница, а не молодой парень.

Гроб с папой закрепили на канатах и подняли к ветвям старого дуба. Кора потрескалась и с трухой и жучками осыпалась вниз. Героев хоронили на цепях, а остальных, тех, кто умер бесполезным, — в земле. Вист дышал прерывисто, экономя воздух. Мама снова зарыдала во весь голос. Своя же ледяная рука в перчатке напугала Виста. Рука словно была чужой. Папиной.

Оркестр начал игру. Рот заклеился на скотч. В горле пересохло. Вист покачнулся и уперся в маму, зацепился за нее по привычке, но она его не заметила. Мама смотрела, как раскачивался на высоте гроб.

В корнях дуба вбили мраморное надгробие, и присутствующие подошли для прощания. Они молча втыкали в ствол дерева маленькие гвоздики с ярлычками, где на каждом было написано имя пришедшего проститься. Так, по традициям, умерший узнает, пришли ли родственники или товари-

щи, кого не было, а кто вынул гвоздь спустя время.

Вист пропустили вперед и придержали за спину, чтобы он не кувыркнулся со склона. Вист воткнул свой гвоздь по самую шляпку, зачем-то воображая, как дереву больно, как оно плачет и скулит, как из его тела сгустками выходит кровь. Павел Евгеньевич негромко кашлянул и прижал Виста к себе, как внезапно осиротевшего и брошенного котенка. Мысли о дубе растворились.

— Держись, малой, — хрипло проговорил Павел Евгеньевич. — Надо брать себя в руки...

— Спасибо, — тихо ответил ему Вист.

Он побоялся быть слишком громким в этом безмолвном месте. Вист елозил и вырывался, но Павел Евгеньевич сжимал его сильнее. От Павла Евгеньевича пахло водкой и сигаретами, отвратительным дезодорантом и тайгой. Он был первым, кто нашел труп три дня назад. Получалось так, что в этой цепочке Вист оказался последним, кто узнал о смерти папы. Толстая, но податливая от влажности кора дуба усеялась тучей серебряных шляпок. Одной не хватало.

Почти пятнадцать лет они служили на той же заставе, а он даже не приехал на прощание. Папин товарищ, Велиор, жил совсем рядом, через дорогу. И не пришел.

«Мы остались без тебя, ты остался с нами», — короткую эпитафию выбирала мама. Вист не сразу понял смысл, пришлось несколько раз вчитаться в мраморные серые буквы. От галдежа заболела голова, а за ней подтянулось и все

тело. Ломило руки и ногу, будто Вист сутки висел на турнике, не слезая. Собственная беспомощность грызла душу. Он практически не участвовал в похоронной церемонии, не прикладывал усилий.

— Галь! Галя! — крикнул Павел Евгеньевич, догоняя их с мамой у кладбищенской арки. — Ты серьезно собралась малого завтра отправлять к нам в гадюшник?

Висту хотелось выпустить иголки из спины, лишь бы отделаться от перегара Павла Евгеньевича.

— А что нам делать? — спросила мама. — Он до следующей весны будет дома сидеть, гнить? Я на работе, а он куда?

— У нас сейчас там полный кавардак, сама будто не знаешь! Оформления, допросы, куда нам зеленых? Веля уволился, все на Смирнягу свалилось, он тоже не вывозит на себе все тянуть. Какая подготовка? Если нам, взрослым мужикам тяжело, а ему *такому* каково будет?

— За других не знаю, — отрезала мама. — Мой сын готов к службе. Я дома его оставлять не собираюсь.

Они шли мимо могучих дубов, на которых кто с цепями, кто с канатами, покачивались деревянные гробы с бывшими сотрудниками УНМ¹. Сослуживцы окружили Виста, обнимали его по очереди, трясли и гладили по голове. Кто-то совал деньги, кто-то ленты. Было противно от каждого нового прикосновения, словно чужие ладони обжигали через китель до костей. Вист поежился и отстранился. Маму оцепили

¹ Тут и далее — Устранитель Незаконной Магии.

в кокон бесполезных соболезнований, и Павел Евгеньевич, видя это, подошел к Висту:

— Тяжело, сам знаю. Брата похоронил когда, это же невозможно, воют все, что-то желают там. — Он вытер потный лоб платочком. — А тебе вообще не до этого. Сейчас, я уже такси вызвал, через пять минут приедет, вместе уедем отсюда, а они пусть сами тут плачут, без нас, да?

Вист молча кивнул.

«Легко сравнивать смерть брата, с которым ты почти не общался и гибель моего папы. Сам-то только бухать горазд, никакой пользы. Где ты был, когда папа умер? Бухал? Спал?»

Морось собралась на фуражке в крупные капли и струилась по околышу² на шею. Из-за ливня машина плелась медленно, дворники размазывали ручьи грязной воды по лобовому стеклу. Разместиться даже на первом пассажирском сидении было непросто: мешался то бардачок, то смявшийся резиновый коврик для обуви. Неживую твердую коленку обтянули темные штаны, и водитель половину дороги косился на нее.

«Тварь. Глаза твои чтобы вытекли. Мамаша твоя не объяснила, что пялиться неприлично? Желаю, чтобы с тобой случилось такое же», — думал Вист, наблюдая за гонкой капелек на стекле.

Павел Евгеньевич о чем-то разговаривал с мамой на задних сидениях, по радио негромко играла попса, на трассе на-

² Околыш — часть головного убора, непосредственно облегающая голову.

чался день жестянщика. Вист сжал зубы до боли в челюсти, от напряжения лопнула губа.

«А если, когда папу кремировали, то в урну засыпали простой пепел? Не папу? Что, если на самом деле там совсем не папа? Вдруг он жив, но вынужден скрываться?»

Дома сон не приходил, только бессвязная кошмарная полудрема с кучей нечисти, документов и дубом, на котором повесили гроб с папой. Вист крутился с левого бока на правый, сгоняя наваждение. Мама плакала уже не у гроба, а внутри него, обнимая папу, папины сослуживцы не соперничали Висту, а винили его. Он недостаточно хорошо горевал, не так плакал, не то сказал, неправильно воткнул гвоздь.

Болтая пересохший язык по рту, Вист пытался вызвать слюни — вставать на кухню долго и мучительно. Сначала надевать специальный носок, расправлять складки, чтобы они не зажали кожу на культе, потом греметь тяжелым протезом, будить маму, искать чехол, перед тем как надеть сам протез. Что-нибудь, обязательно, по законам Архимеда, должно с грохотом упасть, чтобы соседи тоже проснулись.

Вист дотянулся до нейлоновой протяжки на прикроватной тумбе и уже случайно сбросил электронные часы вниз. Они упали на тапочки и не наделали столько шума, сколько могли. Вист предпочел умереть от жажды лежа, не вставая. В детстве он звал маму, но в подростковом и тем более, взрослом возрасте такое вытворять — стыдно и неуважительно.

Уклеенный пенопластовой плиткой потолок окрасился

яркими рассветными лучами солнца, и продавленные узоры отбросили тени к люстре. Вист отключил будильник и сел на кровати, сгорбившись. У старого советского шкафа валялась длинная сумка с подготовленными вещами к службе. Он собрал ее с тем расчетом, что на заставе будет папа. Вист вытащил оттуда вторую мочалку, второй комплект зубных щеток, вторые тапочки. Папа просил привезти их, так как старые порвались. Фотография в рамке на компьютерном столе отблескивала светом от фар проехавшей за окном машины. На фото маленький Вист с медалью на шее, а за ним папа, довольный и гордый победой своего сына. Это были соревнования по шахматам. Больше Вист нигде не преуспел.

«Мама права, я не умею ничего, только задачки решать и дома сидеть. Куда мне на настоящую работу? Я там не справлюсь».

С своим Вист уткнулся в подушку, чтобы не разбудить маму. Он вцепился в ткань и порвал швы на наволочке, стиснул кулаки до спазма и кричал. Мышцы трясло и сводило, пальцы болели. Наутро Вист охрип. Посчитав это состояние последней степенью позора, он ударил себя по щеке. Сборы проходили вяло и словно под пленкой из налета. Вист стоял в коридоре, поджимая здоровую ногу, как цапля. На протезной стоять было в десять раз удобнее, чем на своей собственной. Иногда Вист даже задумывался о том, чтобы попросить отрезать и вторую. Приемная гильза³ начала давить

³ Приемная (культеприемная) гильза — это ключевой индивидуальный эле-

на культю, и он сменил положение.

— Обязательно познакомься с кем-нибудь! — Мама заправила ему выбившийся волосок обратно в идеально прилизанную прическу. — Слышала, что Кромвель тоже будет там служить.

— Класс, — шикнул Вист.

— Все равно! — настаивала мама. — Не замыкайся, с народом будь. Человеку нужен человек! А вам сейчас надо подружиться! Не строй морду! Как раз и спросишь его, как Велиор, куда он пропал, может быть, у него что-то случилось! Звонить неприлично, что я ему скажу? Почему он на похороны не приехал? Обвиню его в этом?

— А что такого? — спросил Вист.

— Это неприлично! Что он подумает о нас?

Вист уезжал с автовокзала как самостоятельный взрослый мальчик. Один. Маму нельзя было взять с собой на пограничную заставу, ее не примут в автобус и не пустят через шлагбаум. А там, уже на границе, его никто не встретит. Никому он там не нужен.

В нагрудный карман куртки Вист положил папину счастливую монету, в которой посередине была просверлена дырка для нитки, чтобы выдергивать ее из автомата обратно. Папе она попалась в сберкассе, и с тех пор он говорил, что она

мент протеза, который соединяет культю с механическими модулями, обеспечивая комфорт, фиксацию и передачу нагрузки. Она изготавливается по гипсовому слепку под конкретного пациента из жестких материалов (карбон, пластик) и мягких внутренних вкладышей.

особенная. Потом подарил Висту. И теперь они с монетой ехали в место, где папа сделал свой последний вздох.

«Его убила лесо-полевая нечисть. Она как-то пробралась на заставу. Как-то подобралась к папе. И как-то его убила. Они хоть сами в это верят? Столпотворение идиотов, чему их только в институте учат? Так не бывает! Это была высококоранговая нечисть! А не обычная навка какая-нибудь!»

Папа, даже несмотря на возраст, всегда был чутким, внимательным и бдительным, особенно на службе. Он знал наизусть все способности нечисти и умел определять их по шагам. Вист поверил бы, что Велиора убила какая-нибудь русалка или кто-то совсем простой, кто мог заманить тюфяка в свои сети. Папа был не такой.

Автобус остановился. Зажимск. Город-герой, маленький, но удаленький. В СССР там построили несколько заводов по производству зажимов, и до сих пор ничего нового там не придумали. Низкие домики, каменные мосты и остатки крепостей смешались с современными зданиями и высокими трубами заводов.

— Эй, солдатик! — окликнула Виста женщина за прилавком. — Сувениры резные, из меди и дуба, на удачу и счастье! Смотри-смотри, все ручная работа!

Стушевавшись, Вист без интереса рассматривал товары на полках. Ничего примечательного и того, что точно захотелось бы увезти с собой в Псков или на заставу. Деревянная фигурка зажима, медная фигурка зажима, зажим-брелок, за-

жим-открытка, зажим-зажим. Вист стоял и не знал, как высчитать момент, когда ему уже можно было уходить.

«Пристала, нашла дурака, думаешь, твои перекупные китайские брелоки будет кто-то брать в здравом уме?»

Продавщица будто прочитала его мысли и подгоняла с выбором сувенира. Выбора «уйти без ничего» она не предоставила. Висту пришлось купить зажим-значок. Он спрятал его в недра рюкзака, чтобы никто ненароком не увидел его pozor.

На вокзале уже сгрудилась толпа нашпигованных сумками пограничников. Застава «Зажимск-два» была рада всем. Первая застава еще в далеком сорок пятом году таинственно провалилась под землю, а пограничники, служащие там, бесследно пропали. Рядом построили новую. Правда, новой она считалась на момент сорок пятого года, сразу после войны. Теперь она такая же старая, просто целая, в отличие от первой.

Вист потерял равновесие и брякнулся, баул его перевесил, ступенька подвела, но вот плечо, на которое он случайно оперся, — нет. Перед ним стоял высокий и крепкий парень, слегка лопоухий, почему-то с добрыми, как показалось Висту, ореховыми глазами. Виста, как деревянного солдатика, поставили прямо. Парень помог ему собрать сумки обратно: — Привет!

Вист посмотрел на него снизу вверх и пожал большую потную ладонь. Лопухий так активно тряс Виста, будто хотел

оторвать его кисть и забрать как трофей.

— Привет, — в общем шуме Вист и сам себя не слышал, не то, что кого-то другого.

— Я Дамир, а это Джульбарс, восточно-европейская овчарка! Он у меня самый умный, знает десять команд, умеет приносить тапочки... Мы едем служить на Зажимск-второй, а ты?

Собака тоже гавкнула, вежливо поздоровавшись.

— И я на Зажимск-второй, Вист меня зовут.

— Знаешь тут кого-нибудь? Я вот — нет. Ты местный? Устранитель или челдобреков будешь ловить?

— Устранитель, местный, никого не знаю, — Вист перебирал между пальцев папину монету и пытался соскрести ногтем дырочку.

«Коровин Д. В.» — прочитал Вист на нашивке у Дамира. Странно, что он не знал фамилию «Лестаков», обычно все охали, когда ее слышали.

«Может быть, семья не из военных? На гражданке всем дела нет до папы и моей семьи и устранительских проблем. Они там классно живут, даже не вникая».

Дамир гладил Джульбарса, успокаивая его, и Вист отчего-то успокоился сам. Гадкие мысли утихли, и на месте их в голове возникла пустота. Вист смог разжать плотный кулак. Монета с болью отпечаталась на ладони, и круглая вмятина пульсировала. Дамир молчал, не спрашивал про протез и вообще ничего не спрашивал! Вист стиснул зубы, но вслух

ничего говорить не стал: по виду Дамир ел таких как Вист на завтрак, закусывая блинами для штанги.

«Притворяется, что не заметил? Или и вправду слепоща-рый?»

У кассы притормозил до блеска вычищенный мерседес с московскими номерами: три семерки. Сначала открылась передняя дверь и из нее вышел мужик в черном костюме, затем мужик выпустил из мерседеса на грязный заплыванный пограничниками асфальт некую особу. Аккуратный выглаженный китель, серая рубашка, но не как у всех, а чуть посеребренная, модельная стрижка.

— О-о-о! Кого это нам привезли со столицы, что за зверушка, — присвистнул Дамир.

«Мало в Москве зверей? Депутаты, чиновники, ФСБшники... Еще кто-нибудь точно найдется, чтобы сплавить своего сынка в дальнее пешее?»

Незнакомец тоже из устранителей, у него висела нашив-ка с двуглавой жар-птицей на плече. Не из бедной семьи, не призывник. Жаль, фамилию Вист не успел разглядеть. Может быть, он принадлежал к какому-нибудь знатному роду ублюдков, с которыми точно не стоило водиться и общаться.

— Жуть какая, будто куклу из коробки достали и на по-мойку швырнули. Что же он сделал, что его сюда турнули? А? — Дамир спрашивал не то у своей собаки, не то у Виста.

— Не знаю, — Вист прижал сумку к себе ближе, боясь, что Джульбарс ее прокусит или облизывает.

Незнакомца с нескольких сторон обступили мужики в приличных костюмах, будто он был музейным экспонатом, на который нельзя было смотреть. Или вовсе каким-то очень важным человеком, которого повсюду подстерегали опасности! Незнакомец выглядел молодо, но в тоже время серьезно и статусно, без подростковых черт, как, например, было у Виста. Надменный сощуренный взгляд скользил по спинам пограничников туда и сюда.

Странное чувство зародилось в груди, вытесняя тоску по папе, страх одиночества и прочие появившиеся комплексы. Словно незнакомец этот состоял не из плоти и крови, а чего-то иного. Дамир с размаху ударил Виста по плечу.

— Ты что такой суровый? Расслабься, сейчас поедem, толпой веселее будет! — радостно заявил Дамир.

Вист же что-то никакой радости совсем не испытывал. Объявили посадку до заставы. Старый и ржавый пазик нагрузился пограничниками разных мастей. Вист подбросил баул, чтобы закинуть его на полку, но сумка упала ему на голову, чудом не свернув шею. Он сделал шаг назад и наступил протезной ногой на чью-то другую, мягкую и живую ногу.

— Да что за день сегодня такой!

«Зорин И. Г.» — наконец-то прочитал Вист у незнакомца на кителе. Практически идеально симметричное лицо, усыпанное веснушками, но такими неестественными, словно он их сам себе нарисовал с утра кисточкой.

— Чугунный ты, что ли?! — Зорин схватился за голень.

— Там титан...

Ответ почему-то сам стал язвительным. Покраснев от стыда, Вист снова попробовал затолкать сумку наверх и поскорее скрыться с глаз Зорина.

— Что за пробка там? — Кто-то позади толкнул Зорина, Зорин толкнул Виста, и они вместе завалились на сидения.

Вист залез на кресло и забился к окну. Сердце норовило вылезти через глотку. Срочник поднял Зорина за грудки. Началась потасовка. Пазик шатался из стороны в сторону, скрипел, и казалось, что сейчас развалится, а пограничники поедут до заставы, перебирая своими ножками по земле. Срочник долбил Зорина кулаками, как боксерскую грушу, а Зорин укусил его!

— Хватит, пацаны! Хватит! — Их полез разнимать Дамир, где-то около него тревожно лаял Джульбарс.

Кто врезал Дамиру, Вист уже не понимал. На его мягкой щеке тонкой полоской алела царапина, у глаза подтекал синяк. В пазике стало тихо, как в библиотеке. Вист тербил край замызанной оконной шторы, монета уже никак не успокаивала. Он достал из рюкзака небольшой блокнот и карандаш. Вчера ему было не до дневника, а сегодня подвернулся удачный момент: все равно к Висту никто не подсядет, всем пограничникам хватит места, чтобы рассесться по одному.

«На вокзале меня принял за лоха собачник Дамир. В целом ничего по делу не сказал, фамилию мою не знает, про про-

тез смолчал или не заметил. Собака накапала слюнями на ботинки. Собак не перевариваю, они еще дышат постоянно ртом, а шерсть колется. В автобусе еще, наверное, выть будет или лизаться. С нами на заставу едет еще шестеро, включая ненормального мажорика, он укусил срочника».

К Висту неожиданно подсел помятый Дамир, а между ними протиснулся Джульбарс. Вист спрятал блокнот, чтобы Дамир ненароком не рассмотрел его секретные записи.

— Ну и денек, да? — с одышкой спросил Дамир, доставая из объемного рюкзака контейнер. — Мама мне с собой наложила обеду, сказала угостить товарищей. Бери! Там яйца, бутеры, курочка. Фу! Джульбарс! Фу! Тебе такое нельзя! Место! Место!

На весь пазик завоняло вареными яйцами и помидорами, которые были в бутербродах. Вист вжался в стекло, но Дамир чавкал громко и неприлично, крошки летели в разные стороны и от них было не спрятаться. Остальное подбирал своим липким языком Джульбарс. Зорин торчал на задних сидениях и тупил в телефоне, но на голос Дамира поднял голову, голодными глазами впиваясь в неаппетитную и холодную пищу.

— А что, дома не кормят? — с набитым ртом спросил Дамир.

Зорин отвернулся в дорогой сенсорный мобильник. Не боялся, что отберут? На заставу с такими нельзя! Вист, вот Вист! Он изначально не брал с собой нормальный телефон, а

вставил сим-карту в допотопный, где даже камеры не было.

— Завидует нам, — сказал Дамир.

Вист даже не мог представить, чему мог завидовать Зорин. Джульбарс уткнулся горячим носом в окно и оставил на стекле сопли. А потом поставил свою большую волосатую лапу на Виста.

— Пожми, — предложил Дамир.

— Что пожать?

— Лапу! Жуля так здоровается!

Вист не сумел выдать из себя отказ, поэтому протянул Джульбарсу руку и пожал по наставлению Дамира. За выполненную команду пес получил кусок курицы, а Вист конфету.

Глава 2. Человек-Утюг

Автобус вильнул на трассе, и спящий Дамир завалился Висту на плечо. От внезапного пробуждения заболела голова. Вист и не помнил, когда уснул. Помнил только, что Дамир рассказывал, как они с отчимом и Джульбарсом ездили в Санкт-Петербург на выставку боевой техники, и что именно тогда Дамир задумался о своей профессии. Во рту застряла колючая собачья шерстинка. Вист хотел было потянуться, но был зажат со всех сторон и замер. Джульбарс, видимо, почувствовал его волнения, наострил уши и ткнулся мокрым носом в неживую коленку, оставив сопливый темный след на штанах. Захрапел Дамир. Он был тоже слюнявый и пах мокрой псиной, как Джульбарс.

«Дневник. Я мечтаю попасть на эту заставу, походить внутри. Меня разрывает, как хочется там побывать. Мне нужно посмотреть место, где умер папа. Почему все так? Почему мир против меня? Придется выложиться на полную, потому что на вышку не берут тюфяков. Они увидят мой протез и скажут, чтобы я пистюльками занимался, а не Родину защищал. Я уверен, они меня бороднут».

Любые попытки вернуть Дамира на место заканчивались неудачей. Приняв позу смирения: самую неудобную из возможных, Вист уставился в окно. Вдоль дороги шел человек в ярко-красной шляпе с белыми точками.

«Колдун», — Вист нахмурился и вывернул голову, чтобы проследить за колдуном, но тот пропал из виду.

Автобус резко затормозил, пограничники повывлетали с мест и перемешались между собой так, что уже никто и не вспомнил, где сидел. Вист выжидал, пока Зорин выйдет на улицу, с горем пополам вытащил сумки и вывалился с неудобной ступени к заставе. Приятная утренняя прохлада щекотала щеки и ноздри. На высоких соснах играючи щебетали птицы, солнце поднималось и одарило поляну желтыми полосами света, пробивающимися через кроны деревьев. Джульбарс с радостным лаем таскал за собой Дамира. Застава сама по себе была маленькая, всего лишь одна из пограничных точек, проходящих по всей области до Финского залива. Почерневшие с годами стены закрывали собой внутренний двор. Вист побросал сумки и приподнялся на здоровой ноге, пытаясь заглянуть. Там умер папа.

Последние два дня Вист существовал благодаря шоколадным батончикам и вываливанию мыслей в дневник. При виде заставы щелкнуло внутри, в груди под сердцем. И там зашевелилось что-то чужеродное и ядовитое, как змея. Гадкое чувство словно оживило Виста, превращая его из трупа проходящего, в человека здравомыслящего. Где-то среди деревьев и деревенских неказистых домов разгуливал убийца, которого так и не смогли поймать.

Дамир ругался на Джульбарса у кустов, а Зорин сначала как-то странно смотрел на Виста, а потом, гибко извернув-

шись, подошел ближе. Вист в панике заметался у автобуса, не зная: бежать ему внутрь или принимать врага голыми руками.

— Приветик, Лестаков. Я Идлен. — Зорин хитро улыбнулся.

В его темных глазах свет будто бы преломлялся иначе.

— Здравствуй...

«Скажи ему, чтобы проваливал. Открой рот и скажи!» — приказывал себе в мыслях Вист.

— Слышал про твоего отца, очень жаль, — Идлен трагично вздохнул.

«Эмпатию тебе не завезли? Хоть бы морду свою грустной сделал!»

— Спасибо, — ответил Вист.

— Я думал, что шутили, когда тебя в список служащих засунули! Зачем тебе эта обязательная отработка после института? Пенсии по инвалидности явно больше перепадает. Или хочешь по стопам отца?

Идлен кивнул на правую ногу Виста. Протез. Внутри закипал чайник. Монета в кулаке, казалось, погнулась. Вист так оторопел, что несколько раз подряд облизнул губы и глубоко вдохнул. Облик Идлена становился с каждым разом все страшнее и страшнее.

— Ну... — замялся Вист. — Вот так...

Мысли растворились в ужасе. Идлен любопытно склонил голову и улыбнулся, на миг показывая свои белоснежные

неестественные зубы. Спinoй Вист ощутил холодную дверцу автобуса.

«Он лох, а не хищник. Лох. Лох».

Где-то в глубине тайги звенела река Пиуза. Застава просыпалась и делала это максимально неохотно. Медленно.

— Ты, наверное, и сам не рад, что оказался один в этой дыре. Есть тут у тебя, кто может помочь? — спросил Идлен.

— А зачем мне помогать? — На этот вопрос Вист истратил всю свою смелость.

Он снова покраснел и вжался в автобус. Идлен выставил вперед руку и навис над Вистом, блокируя ему пути отступления.

— Не знаю, с протезом сложно же. Вдруг что-то случится, — с намеком сказал Идлен.

Его почти что гипсовое точеное лицо наконец-то поменяло эмоцию. Он высматривал что-то не на оболочке Виста, а внутри него. Под расстегнутой рубашкой на шее Идлена болталась золотая цепочка. Вист представил, как хватается за нее, как душит Идлена, как синее его наглая рожа. Но для этого Висту нужна была не только сила духа, но и сила физическая. Ни того, ни другого у него не имелось.

— Расслабься, — хмыкнул Идлен, — если что — зови, прибегу на своих двоих, помогу, чем смогу!

Сердце скакало под кадыком. Вист коротко кивнул и юркнул вбок, подбирая свои манатки. Спина взмокла от страха, пропитав рубашку и куртку практически насквозь.

«Какой гадкий! Гадкий подонок! Вот, над кем надо было в школе издеваться!»

Бревенчатая калитка отодвинулась, и на поляну вышел уставший и сутулый мужчина лет сорока. Вист решил найти в нем спасение и примкнул ближе к калитке, козыряя мужчине. Старший лейтенант даже не посмотрел на него, а прошел мимо, словно Вист был прозрачным. «Смирнов Л.М.»

— Скобарей⁴ много привезли?

Сбоку Смирнов был похож на комара, длинноносого такого, тощего и слегка облысевшего.

— Три калеки, два срочника и этот... Сын героя, — водитель бросил окурок в кусты и сплюнул. — Остальные понаехавшие.

— Сына Зорина доставил в целости?

— Куда я денусь, раз такие бабки платят! Эскорт же финский его бросил прямо на вокзале! Я бы его еще в жопу поцеловал, да времени не было!

— С эскортом разберемся. Что с его манатками?

— Довез. Выгружаю. Под роспись все в целости, головой отвечал!

Вист напрягся, перестал подглядывать, и напряжение сменилось испугом: залаял Джульбарс. К заставе, как из прошлого, подъехала телега с запряженной лошадью. В корзинах деревенские тащили оранжевые фрукты.

«Что там с этим Зориным?»

⁴ Скобарь — житель г. Пскова.

— Курагу у них не берите, — отрезал Смирнов, перего-
раживая Висту путь. — Потом рыгать ей будете.

«Из чего вообще курагу делают? Апельсин? Нет, что-то
другое. Абрикос!» — вспомнил Вист.

Курага его отвлекла. Они с папой ходили по протоптан-
ным тропинкам за ягодами осенью, когда мама привозила
маленького Виста на заставу. И по лесу, не боясь местных
тварей, всегда бегала детвора, папа тоже не боялся нечисти.
Но у папы с собой был зубец — выстреливающий электро-
шокер, парализующий нечисть.

«Папа ничего не боялся и умер».

Дамир подкрался со спины, хотел напугать Виста, но по-
сле Идлена вряд ли его еще что-то могло шокировать. Вист
перехватил руку Дамира на лету.

— Ого ты как можешь! Кстати, будем рядом на койках ле-
жать! Я с собой комиксов привез, про Майского Жука и Че-
ловека-Утюга! Или ты по фильмам? Мне фильмы не очень
нравятся, там все переиначили, актерский состав труха пол-
ная, лучше бы не брались. Сейчас новый снимают, где Крот
появляется...

— Я не смотрел. И не читал. Слышал в общих чертах.

Вист хотел провалиться под землю, как первая заставка.
Джувльбарс вытирал морду в наморднике об алюминиевую
квадратную коленку.

— Серьезно? Чел, ты многое упускаешь! Заселимся, и я
все тебе покажу! У меня с собой с первого тома выпуски, а

это, между прочим, девяносто седьмой год! Нас с тобой даже в планах не было! — Дамир весело толкнул Виста плечом.

Потеряв точку опоры, Вист поменял положение протезированной ноги, и через ткань штанов послышался приглушенный треск металлической конструкции.

— Это что у тебя там? — Дамир от испуга аж побледнел.

— Протез.

— Как это, «протез»?

— Так.

— А я бы сразу и не сказал, что у тебя протез! Ништяк!
— сказал Дамир.

Джультбарс обнюхивал Виста, виляя хвостом.

— Ага, здорово. Просто во! — Вист иронично показал большой палец.

— Здорово, конечно! Ты же тогда Человек-Утюг! А я Майский Жук!

— Неважный из меня супергерой, — сказал Вист, поглаживая по лбу Джультбарса.

Животных дома никто не держал, Вист мог поиграть с кошками только на улице или в гостях у маминых подруг. А еще в больнице, где он лежал, часто видел кошек. С собаками он дел не имел. Джультбарс был мягким, в росе и в листиках. На овчарку совсем не похож, будто выцветший комиссар Рекс, но с поднятой задницей.

— Почему? — спросил Дамир.

— Не знаю.

— А что ты знаешь вообще?

— Не знаю, — снова повторил Вист.

Смирнов безрадостно улыбнулся, заводя толпу двадцатилетних парней за калитку. Алфавит внезапно начался с буквы «З», и Идлена пригласили на заставу первым, будто у него был билет бизнес-класса. Висту стоило спросить у кого-то, кто его отец и чем занимался, раз ему перепало столько плюшек.

Дежурный заставил расписываться и забрал личные вещи, неаккуратно зашвыривая их в полиэтиленовые мешки. Все шмотье проверяли сканерами и специальными пушками с воронкообразным дулом — лучом.

— Почему у вас датчики пищат?! Я что, по-вашему, нечисть? — с презрением возмутился Идлен.

— Ну, — Смирнов хмыкнул и покосился на толпу парней. — Можешь считать и так. Расписался — иди. Смартфон нельзя — сдаем, цапки снимаем, цепи тут у собак, а кольца у баб.

— Это почему нельзя?!

— Потому что, — снова понятно ответил ему Смирнов. — Это объект государственной важности, тут только ключи проносят, и то между булок. В сейф положим, как уволишься, забереешь. Ошейник тебе потом папка из Москвы пришлет, если ты беситься будешь.

— Вы сдурели совсем?! Вам и без того заплатили целую гору! Что, сложно глаза закрыть на такую мелочь? Или мне

надо вам еще денег заплатить? Я заплачу — не проблема!

Деньги впервые, кажется, не помогли Идлену. Вист предпочитал думать, что это у него кармический удар.

— Мы уже тут всем хором плачем, от того, что тебя в нашу дыру заткнули, иди! Следующий!

Нечисть не могла служить среди устранителей — это закон. Им даже запрещалось иметь в родственниках колдунов. В общем, на службу заступали чистокровные люди, потомственные устранители. Профессия эта, одна из немногих, куда нечисти был путь заказан. К сожалению, в современном мире нечисть могла работать и в полиции, и в медицине. Люди ей доверяли...

Несколько пограничников, взмыленные и уставшие, чинили датчики на входе. Коротнуло, и мужчина ударил по проводам молотком. Магия сложнее техники, и какими бы не были изобретения, магия всегда на шаг впереди. Нечисть придумывала разнообразные уловки, выходила на новый уровень колдовства, а техника оставалась той же.

— Собаку оставить у главного кинолога, — строго приказал Смирнов, наблюдая, как Джульбарс метил территорию.

— Джульбарс — не собака! Это мой друг! И ваш новый пограничник!

Дамир гремел сотней своих рюкзаков, термосов и всем, что ему там приготовила с собой мама. Джульбарс притих, спрятался за хозяином и скромно вилял хвостом.

— Он лает? — спросил Смирнов.

— Лаёт, — неуверенно ответил ему Дамир.

— Значит, он собака. Пограничники не лают.

— Я тоже могу лаять! Хотите, покажу? — на полном серьёзе предложил Смирнову Дамир.

— Отставить лаять! Собаку привязать!

Смирнов потер виски и сверялся со списком. Когда порог калитки перешагнула титановая ступня, он поднял брови и удивленно спросил:

— Лестаков, что ли?

— Так точно! Лестаков Вист Витальевич прибыл на зажимскую за...

— Расписывайся. Следующий!

Подпись представляла из себя несколько черточек и две почти каллиграфические буквы «В». Даже тут он был рядом с папой.

Вист осмотрелся: деревянные постройки, прямо как из старых фильмов, бетонные стелы с мозаиками, ржавчина на турниках спортплощадки. Старший смены коротко и по делу показал, где столовая, где медпункт, где гараж, где вышки. Из другого здания, которое он намеренно или случайно пропустил, к пограничникам пришел Павел Евгеньевич. На этот раз трезвый и в парадном.

Он махнул Висту и рысью потрусил к нему, по-отечески прижимая к себе. Пуговица от рубашки Павла Евгеньевича вдавилась в лоб. Вист выкрутился из объятий и сдал назад, снова натываясь на Идлена. Хитрая морда отчего-то стала

какой-то чересчур серьезной и нормальной. Идлен взял Виста под ручку и поставил рядом с собой.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — крикнул Смирнов и вытянулся по струнке. — Личный состав второй Зажимской пограничной заставы в количестве двадцати человек для прохождения дальнейшей службы построен!

И парни вразнобой заголосили, кто как мог. Будто распевались в хоре. Привязанный у столба Джульбарс жалобно заскулил, вырываясь к хозяину.

— Поздравляю вас с прибытием на пограничную заставу имени соседнего города-героя Зажимска. — Павел Евгеньевич сделал паузу, давая переварить информацию. — Родина на вас надеется! От вашей бдительности и ответственности теперь зависит безопасность нашей страны! Здесь нет места маменькиным сынкам и нюням! Для кого-то это новый дом всего лишь на год, а для кого-то вроде Виста Лестакова — новый дом на всю жизнь!

Все посмотрели на Виста с пренебрежением. Они и так на него смотрели, а сейчас смотрели в три раза сильнее! В их звериных глазах плясали ядовитые искры. Кто-то уже наверняка ненавидел Виста.

«Будьте прокляты все», — Вист дернулся, и рука его автоматически сжалась, нащупывая что-то тяжелое и холодное. Пистолет. Почти как настоящий, переливающийся на солнце и отражающий его разгневанное лицо. Испуг пронзил тело, и сначала Вист попытался сбросить с себя словно прилипшее к

потной ладони оружие. Но потом... Он зажмурился и вновь открыл глаза. Представил, как расстреливал всех в шеренге. И неведомая сила вдруг зародилась в груди. Власть над чужими жизнями, которыми теперь управлял только он... Идлен боднул его плечом. Специально или случайно, не разобравшись, но он игриво подмигнул Висту, и пистолет пропал.

— Семейство Лестаковых взрастило три поколения настоящих героев и вот еще один на подходе! Прабабушка, царство ей небесное, на фронте служила медсестрой! Дед, сын ееший, партизанил! А отец — майор, прослуживший на этой заставе добрые тридцать лет, стал настоящим героем, увы, посмертно! Помяните мое слово, скоро и Вист Лестаков внесет свою лепту в историю! Вы должны брать с него пример! Старший лейтенант, приступайте к исполнению!

Павел Евгеньевич ушел, а Вист остался на спортплощадке, окруженный новобранцами.

— У-у-у!

— Полковник тебе кто? Дядька?

— Понятно теперь, кто у нас будет и с телефоном, и с конфетами!

— Так ему теперь ничего же не сделаешь! Чуть что, он своему полковнику нас сольет!

— Заткнитесь! Закройте рты! — пытался их уговорить Дамир.

Но его потуги никак не способствовали тишине, а наоборот, лишь раззадоривали толпу. Вист ощущал, как скукожи-

вался и уменьшался, становясь крохотной ртутной каплей, которую вот-вот раздавят ботинком с толстой подошвой.

«Твари! Толпой вы все смелые! Так и знал! Так и знал! Скажи им, чтобы умолкли! Скажи!»

Рот не разжимался. Вист тихонько всхлипнул. Дамир полез с кем-то очень близко разбираться. Под присмотром нескольких старших и часового никто не осмелился вступить в драку.

В комиксах Человек-Утюг был знаменитым детективом и расправлялся со своими обидчиками на раз-два. Но, во-первых, у Виста не было утюга вместо головы, а во-вторых, он не умел нагреваться и отпаривать. И неживая нога тоже так не умела.

Смирнов наблюдал за вакханалией издалека с таким видом, будто он тут не служил, а просто зашел посмотреть. Неожиданно кто-то обнял Виста со спины, перекидывая руку ему на шею, как петлю. Идлен ослабил.

— Да ладно вам, никто ему тут не родственник, вы разве не в курсе? Отец трагически погиб, говорят его нечисть тут сожрала, целиком! Во-он на той вышке! — Идлен выпучил глаза, пугая пограничников. — Говорят по ночам, на растущую луну, пограничники до сих пор пропадают! Только об этом молчат — военная тайна! Ну, бывайте, пацаны, мы пошли!

Вист семенил за Идленом, задыхаясь от его скорости ходь-

бы. Перековыльнув по дубовой лестнице, они оказались в хозяйственном дворе, где ютилась оружейная, баня, сушильня и продовольственный склад.

«Надо было самому ответить толпе, придумать что-то едкое! Что-то острое! Я же умею, наверное... Много слов знаю, даже, бывало, умные книжки читал. Вот, точно! Надо было сказать, что это они дерьмо... Нет, как-то слабо, по-детсадовски. Нужно грубое что-то... Я не умею. Я ничего не умею».

— Ты это, прости за отца, просто они бы не отстали, — притормозил Идлен.

Вист молча кивнул. К ним уже подоспел Дамир и вырвал Виста из рук Идлена, как свою потерянную игрушку:

— Что ты его хватаешь?! Куда ты его потащил?

— В казарму, отдыхать и вещи раскладывать. Я смотрю, тебе еще пока морду не раскрасили? Как это тебе удастся? Еще скажи, из старших никто не видел и нагоняй не дал! А то потом только и будешь, что на тумбе стоять да телефон сторожить, как твоя собака. Гав-гав!

— Не знаю я никакой тумбы! И никого я не бил! А вот Виста можно было и спросить, хочет он с тобой уходить или нет!

Вист открывал рот как кукушонок и пытался что-то сказать, но еле слышно мычал и агакал. Градус нарастал. Дамир, разогретый после взбучки на спортплощадке, казалось, уже был готов вмазать и Идлену для профилактики. Вист не знал,

что ему делать. Его будто к земле приколотило! И никакой едкой мысли, чтобы отвлечься! И Дамир за Виста заступился, и Идлен, по-разному, правда.

Вмешался дежурный дневной смены и загнал всех в казарму. Вист выдохнул. Казармой тут называли трехэтажное здание, полностью сделанное из деревянных поленьев без единого гвоздя. И снаружи и внутри выглядело как терем с резными ставнями, парапетами и витражами, увенчанными ажурными кокошниками. На каждом витраже по цветной сцене, где устранитель боролся с разной нечистью.

Пограничников попросили распределиться по двухъярусным койкам. На каких-то уже лежали чужие вещи, а чьи-то красовались голыми пружинами и рулетами из старых матрасов и одеял.

— Что они на тебя напали? — спросил Дамир.

— Думают, что Павел Евгеньевич мой родственник, а он мне не родственник. Идлен вроде смог до них достучаться, поэтому я с ним пошел. — Вист вжал плечи, примечая, к какой стороне ему прибиться.

«Если опять скажу, что не знаю, Дамир меня подушкой ночью задушит».

— А Павел Евгеньевич — это кто?

— Начальник заставы, служил с папой. Теперь считает, что я без него грустный и одинокий.

— А ты ему скажи, что не надо, и все! Проблемы!

— Не знаю.

Вист остановился напротив самого темного витража: через него практически не проходил яркий свет, потому что основную часть композиции составлял черный Кот Баюн. Устранитель замахивался на Кота Баюна искрящимся гарпуном, а сам кот был выше взрослого мужчины чуть ли не втрое. Дамир с уверенностью выбрал себе кровать на втором ярусе, напротив достаточно мирного витража с символом флага — жар-птицей. Но Вист стоял, как вкопанный, пока остальные занимали себе кровати.

В казарму завели пограничников, приехавших на втором пазике с другого вокзала. Единственная свободная нижняя койка маячила Висту зеленым флагом, но, пока он нерасторопно собирал свои пожитки, на нее плюхнулся опоздун. Не срочник, устранитель. «Радищев К. В.».

От внезапного прилива крови к голове заболели виски. Ярлык с фамилией «Радищев» ждал на гвозде, который так никто и не воткнул. Пустой желудок сжался. Мама была права, Велиор отправил своего сынка служить на эту же заставу.

«Семейка твоя опозорила всю родословную, а я прокляну весь ваш род до пятого колена, чтобы никто из вас не мог нормально ходить и бегать. Не воткнуть гвоздь в дуб — плюнуть в могилу. И уж поверьте, на ваших я точно станцую первым. Интересно, какие оправдания найдет этот козел».

Короткостриженный, почти как Идлен, темноволосый, вполне опрятный, с разными радужками глаз: правый был голубым, а левый карим. Издалека смотрелись практически

одинаково, если не присматриваться.

— Можешь наверх перелечь? — Вист хотел сказать другое, но вместо этого кивнул Кромвелю на узкую лестницу койки. — Мне тяжело будет залазить.

— Наверх? А как? — Кромвель беззаботно забросил ноги в грязных ботинках на ржавое изножье, демонстрируя границы своей территории.

— У меня протез, — парировал Вист. — Понимаешь?

— Не понимаю. — Кромвель смотрел на него искренне по-тупому, будто в его голове совершенно не было мозгов и туда-сюда о стенки черепа бился лизун из желатина.

Вист искал предмет, который мог бы убить Кромвеля. Ничего. На ремне его разве что повесить. Проклятия закончились, и Вист обреченно поднял голову. Не было там обустроено ни полочек, ни сеточек, как в плацкарте, чтобы вещи закинуть. Только резное кружево под потолком, собравшее на свои узоры пыль. Что-то Вист засунул в общий шкаф, что-то под кровать с котомками Кромвеля. А вот, куда девать ногу Вист не придумал. Он метался по казарме, как муха, отлетая от одного яркого света к другому. На Виста косился Идлен, Дамир и все те, кто точно слышал, что Павел Евгеньевич его выделил из общей массы.

— Что вы развалились? Трутни! Переоделись и бегом! Кому сказал! Радищев, Зорин! Вам особое приглашение нужно?! Вас, блохастых, отмыть надо от городской пыли. А вы уже простыни засрали! — В казарму ворвался дежурный

смены.

Вист последовал за всеми, где-то в сенях терема его поймал Дамир. Он затаскивал его вперед, как буксир лодочку без моторчика. Дежурный вел их в самую светлую комнату на втором этаже, и каждый лестничный пролет вызывал у пограничников уйму возмущений. Вист шел практически наравне со всеми, но для размаха ноги ему нужно было пространство, которое не всегда хотели уступать.

— Быстрее нельзя?

— Шевели копытами!

От подгонов Вист не шел быстрее. Как бы он ни старался. Пограничников ждал парикмахер с машинкой и ножницами. По уставу это обязательный пункт. Парикмахер своим зорким взглядом определил, кого освободить от стрижки и сразу запускать в баню, а кого усаживать на стул. Кто-то вслух назвал его электрическим.

Глава 3. Зарядка

Папины письма с заставки мама хранила в специальном ящичке на антресоли, просто так, без какого-либо смысла. Ей нравились его бесконечные байки и рассказы, которые происходили с ним в дни разлуки с семьей. Когда папа звонил, маленький Вист всегда требовал первым сказать ему в трубку особый привет: «Здравия желаю!»

— *Здравия желаю, сын! Готов к сборам? Мама тапки положила?* — громогласно и радостно спросил папа в трубку.

— Готов, конечно, куда я денусь. Тапки с собой.

— *Кто говорит?! Ничего не слышу!*

— Здравия желаю...

Во взрослом возрасте Вист тушевался и бывало, даже вздорил с папой по поводу этого давнего и стыдного приветствия. Уверял папу, что он уже не маленький Вист, а вообще-то, Вист Витальевич!

— *Ты не представляешь, как у нас тут все круто изменилось... Мы недавно подписали бумаги о неразглашении, поэтому руками не смотреть, глазами не трогать, сам знаешь, как с этим дела обстоят. У нас теперь особенная заставка...*

— К чему ты?

— *К тому! Это еще даже не все, и когда ты приедешь*

на службу, я познакомлю тебя с замечательным человеком! Вы обязательно найдете общий язык и поладите!

— Я надеюсь, ты не хочешь меня куда-то пропихивать. Это неправильно...

— К чему такие подозрения?! Ты меня огорчаешь! Мы с тобой это обговаривали: ты всего добиваешься своим трудом! Ладно, держи связь, тут на трубу уже очередь выстроилась, тридцать первого жду как штык у ворот! С тапками! Без тапок не пущу!

Папа вечно пытался его с кем-то насильно познакомить и подружить. Папа ничего не понимал в дружбе, раз связался с таким гнилым и трусливым человеком, как Велиор. Вист так и не узнал, что случилось на заставе в тот роковой день и какие изменения там произошли. Их последний с папой разговор Вист помнил наизусть. Он тогда еще не знал, что папа умрет через пять часов, после того как положит трубку.

«Дневник, я почему-то только сейчас понял, что папа умер. Что мне незачем его ждать, что он не появится по волеизъявлению. Его кремировали, а я и не понял. А сейчас, почему-то, понял. Почему это вот прямо тут случилось? Почему не на кладбище? Подо мной на койке сладко спит сын Велиора. Сын предателя. Может быть, Велиор не приехал на похороны, потому что сам убил папу? В тихом омуте, говорят, черти водятся. Я поверю, если Велиор убил папу. Или сам Кромвель».

Стеснясь собственного уродства, Вист накрылся одея-

лом с головой и там кое-как снял протез. Ему пришлось спать с ним в обнимку, как с детской, совсем не мягкой и не доброй игрушкой. Карандаш затерялся в простыни и полночи впивался в позвоночник грифелем. Ровно в шесть тяжелая дверь казармы отворилась, и к ним зашел невыспавшийся, с синяками под глазами и обкусанными губами, Смирнов. Вместо будильника он долбил половником по пустой кастрюле и орал. Кем он тут работал, никто пока особо не понимал. Вист прыгнул на одной ноге вниз, стянул за собой протез и все его составляющие. Он (можно было поджигать спичку и ждать) с потрясающей скоростью, выверенными действиями собрался и примерил новую форму, которую им выдали для службы. Коричневые форменные куртки с желтыми кругами на плечах, такие же коричневые кепки и фуражки для разных случаев. Рубашки были светло-зелеными или выстиранными.

«Лестаков. В. А». Кто-то ночью или на складе переклеил ему нашивку на груди. Он не «В.А.»! Он «В.В.»!

— Издевательство... — Вист схватил отцовскую нашивку и сунул в карман просторных штанов.

Вист не сомневался: это был Кромвель. Кроме него больше никто не знал, где хранилась форма старшего офицерского состава. Их ящики рядами теснились в оружейной, и только те, кто уже был на заставе до этого, могли проверить такую пакость. Срочники вообще с разных уголков земли понадерганы, остальные неместные, никого отцы по заставе на

экскурсии не приводили. Никому больше отцы не показывали, как стрелять по банкам и не кормили в столовой казенными абрикосами. Никого, кроме Виста и Кромвеля.

«Тупого из себя строил! Такой же ублюдок, как и Идлен! Вот встретились бы мы до заставы, я бы еще мог сказать, какой это человек! Может быть, Велиор стеснялся знакомить своего здорового сына со мной?»

Так во дворе мамочки всегда прятали своих детей, еще когда правая нога у Виста была целая, но тонкая и кривая, как палочка от мороженного. Никто с ним не играл. Врачи заковывали его в специальные металлические трубки, пытались что-то выровнять и спасти. Но спасти было нечего. Это Вист узнал в седьмом классе, когда упал на физкультуре и не смог подняться. Слабая косточка лопнула и разорвала кожу. Скорая, кровь, паникующие родители, поседевшая директриса. Тогда сказали срочно оперировать, отрезать, бросать попытки тратить деньги и отпиливать то, что не должно было существовать. Школу Вист заканчивал с протезом. По не совсем понятным ему причинам мама и папа перевели его на домашнее обучение. Это теперь уже взрослый Вист мог смотреть на прошлое объективным взглядом. Тогда — нет. В пограничном институте волшебной охраны Виста просто не замечали. Иногда косились, конечно, но, по большей части, его нога, точнее, ее отсутствие, тревожило только преподавательниц с обостренным материнским инстинктом. Возможно, будь Вист родителем обычного ребенка, он бы тоже ис-

пугался такого уродца на титановой ступне. Вон, у Бабы Яги нога была вообще костяная, ее весь мир боялся.

«Да он сам урод! Разноглазый! И это его папаше было стыдно его такого уродца показывать людям! Семья говноедов!»

С сегодняшнего дня двадцать новобранцев узнали, что Смирнов не только имел имя, но и должность. Замполит, попростому: главный по воспитательной работе с солдатами, по совместительству лекарь, пекарь и аптекарь. У него было образование военного психолога, и работал он до этого в приемной комиссии военкомата. Как его занесло на зажимскую заставу, история умалчивала.

С влажной земли к небу тянулись испарения, солнце то выходило из-за туч, то снова пряталось. Устранителей отделили от общей массы и выставили на пекло на спортплощадку.

— Меня зовут Лемар Маркович. Минимум до конца июня я вам и за маму, и за папу, и за преподавателей. По десять раз я объяснять ничего не буду, переспрашивать не надо. Что запомнили — записали. Дальше сами.

Смирнов без интереса читал рукописный текст с листочка, перекатываясь с пятки на носок и обратно, как ребенок.

«Как же так? — Вист покосился на Кромвеля. — Где же знаменитый отец-преподаватель? Куда делся Радищев-старший? Надо же, и тут он сбежал! Надеюсь, повесился».

— Как специалисты по нечисти, вы пройдете экс-

пресс-курс по знанию своего дела, а наши специалисты, в лице одного меня, оценят вашу физическую подготовку и стрельбу. — Смирнов нервно дернулся и схватился за горловину рубашки, разрывая пуговицу.

— Синдром туренты, — шепнул Дамир.

Вист косо на него посмотрел, не нарушая строй.

— У меня мама в психоневрологическом диспансере работает, — дополнил Дамир. — Я таких сто раз видел!

— Может, у него просто аллергия на людей? — к ним в диалог вмешался Идлен.

— Иди отсюда, конопатый! Без тебя разберемся! — буркнул Дамир.

После короткого экскурса Смирнов разрешил идти на завтрак. Как и ожидалось, на раздаче стояла дородная повариха в белом фартуке и чепчике. Она орудовала половником не хуже, чем солдат винтовкой. На обед каждый получил поднос с тарелкой каши, черным хлебом и курагой. Сухофрукты горстью лежали рядом с горячей кашей, и Вист колебался, не зная, куда их девать. На хлеб? В кашу? Пограничники ели кто как: Идлен вообще курагу игнорировал, Дамир сложил в карман. Наверное, для Джульбарса. Только Кромвель так же потеряно искал среди чавкающих людей какую-то важную мысль. Их взгляды пересеклись. Слегка сощурившись, Вист уткнулся в поднос, взял курагу и впечатал ее в растаявшее масло на хлебе. А потом съел. В принципе, неплохо. Кромвель тоже положил курагу на хлеб и карикатурно повторил

за Вистом.

«Надеюсь, ты потравишься».

Смирнов выгнал парней к терему, но на этот раз приказал взять из оружейной по «лучу». Дуло закрывала прочная воронка, не дававшая лишней магии расплескиваться во время забора. Вист зажал луч в руке и аккуратно положил палец на спусковой крючок. Без зарядки батареи оружие было бесполезным. Пять делений батарейного отсека, несколько трубок с клапанами — по ним магия проходила через фильтр, становясь обычными сгустками. Папа ласково называл их «желейки». И эти желейки потом с трудом утилизировали на специальных сжигательных заводах. Луч лишал магии лишь на некоторое время, все зависело от количества заряда и выстрелов. Если нечисть оприходуют сразу с нескольких лучей, о колдовстве она может забыть на пару-тройку лет.

До присяги они тут никто, и свое оружие на руки не выдавали. Парней вывели из оружейной на улицу, показывать навыки по стрельбе. Выставили мишени в виде геометрических фигур: большой квадрат, несколько подвешенных к веревке треугольников, среднего размера шары и пару ромбов.

Попасть в квадрат было проще всего: картонная фигура хоть и стояла позади, но занимала много места. В квадрат стреляли все, кроме Идлена. Он навел дуло тренировочного автомата на неустойчивую мишень — треугольник. Ветер раскручивал его в разные стороны. Идлен прицелился, зажмурил один глаз и выстрелил. С выстрелом настала тиши-

на, и даже Смирнов вышел из-под карниза, чтобы проверить результаты. Идлен попал треугольнику ровно по центру.

Дамир стрелял неважно и всегда протыкал картонку где-то внизу, у основания, будто боялся ей навредить. Вист вильнул из строя назад, чтобы подглядеть, как будет метиться Кромвель. Кромвель растерял учебные круглые патроны на сером побитом асфальте и судорожно пытался их сгрести в ладонь.

«Тоже лох, получается», — подумал Вист.

Смирнов записал что-то в блокноте, и Вист тоже захотел добавить характеристику Кромвелю в свой дневник. Не сказать совсем, что Кромвель не умел держать в руках автомат, но все у него шло через одно место.

«Промажь, вообще никуда не попади. Или прострели бо-тинок инструктору. Или Смирнову. Давай. Ошибись!»

Кромвель стрельнул, и пуля улетела мимо картонок, куда-то в траву. Обрадовавшись внезапному дару наведения порч, Вист чуть ли не прыгал от радости, жаль не мог. После стрельбища устранителей привели обратно на спортплощадку. Вист почувствовал, как на него уставилась добрая половина присутствующих. Отжимания. Подтянуться он бы смог, там ноги не нужны, лишь сила рук и выносливость, которой у него было предостаточно. Вист наблюдал, как пограничники один за другим падали на асфальт, впивались в него кулаками и пытаясь отталкивались всем телом. Идлен выкаблучивался как мог — то на правой отожмет, то сменит ее на

левую. Кожа его переливалась на солнце сотней крохотных блесток, словно он каждый день мазался косметикой. Боялся сгореть?

— Посиди на лавочке пока, — к Висту подошел Смирнов. — Я тебе так нарисую что-нибудь в характеристике.

Он с блокнотом записывал показатели пограничников, выделял стойких, слабых и хитрых отдельными пометками.

— Нет, я со всеми буду.

Остаться на скамье запасных — подначивать коршунов, которые только и ждали момента, когда можно будет упрекнуть Виста в блатных связях. А Вист не блатной, он такой же, как и все. В кулаке зажалась папина дырявая монета. С трудом, но Вист опустился на землю, выставил сначала здоровую ногу, потом рукой подтянул протез. Пока вставал в позу, уже взмок так, что можно было выжимать. В институте его тоже просили сидеть и ждать. Но учеба закончилась, он взрослый парень.

Насчет Дамира он даже не сомневался: он спокойно выполнил норматив и теперь отдыхал, наслаждаясь летним утром. Дамир вообще что-то чувствовал? Усталость? Тяжесть? Казалось, что если положить ему на сгиб локтя голову, то он согнет руку и раздавит черепушку как грецкий орех. Дамир не был метким, но Вист думал, ему оно и не надо. Враг мочил штаны еще до выстрела.

Вист поставил себе четкую цель: отжаться больше сорока раз. Чтобы перебить результаты Идлена, который даже

не вспотел, Висту придется преодолеть порог собственных возможностей и отжаться минимум шестьдесят. Напрягся пресс, затряслись поджилки. Большие пальцы уперлись в острые камушки. По лопаткам вниз к пояснице потекла капля. С непривычки закружилась голова, потянуло мышцу на шее.

— Тридцать четыре, тридцать пять, — над ухом, как назойливый Комар, отчет вел Смирнов.

«Мало», — пыхтел Вист.

Идлен не собирался сдаваться, но замедлился на сорока пяти. У Виста были все шансы поставить новый рекорд этого набора. Вист дошел до заветной отметки в пятьдесят, точно так же, как и Идлен. Только вот Идлен уже лежал на животе и тяжело дышал, а Вист продолжал раскачивать онемевшее от перегрузки тело.

— Пятьдесят пять! Пятьдесят шесть! — откуда-то радостно голосил Смирнов.

Вист не понимал, кто и где так смог отличиться. Кромвель. Он отжимался так легко, будто ничего не весил. И лицо его не было красным и липким, как у Виста. И все у него получалось без труда!

— А-а-а! — взревел Вист вслух.

«Гадина! Гадина!»

Злоба змеем завертелась в груди, потому что Вист прямо сейчас не смог бы побить рекорд Кромвеля, не смог бы добить шестьдесят, как планировал! Голая спина Кромвеля

блестела на солнце, мышцы его не ходили ходуном, как казалось, ходили у Виста, а напрягались ровно и слаженно. У Виста все работало вразнобой.

Вист отжимался, но ему что-то мешало. Кто-то упорно мельтешил перед ним и прикладывал к горячему лицу что-то влажное, но почему-то противостоять этому было невозможно. По носу ударил резкий раздражающий запах, зажгло в глазах и глотке, потекли слезы. Вист подавился чем-то спертым и горьким. Он проморгался. Вист лежал уже не на животе, а на спине. Над ним согнулся чуть поседевший бородатый доктор. В его круглых очках отражался вечерний закат, где розовый кисель окутывал алый шар — солнце. За его спиной суетился фельдшер, а там уже и Дамир прибежал со стаканом воды. Вместо того, чтобы предложить Висту попить, Дамир с дуру вылил воду ему на голову.

— Ковалев меня повесит! Ты что творишь?! — накинулся на него с криком Смирнов. — Да если он узнает, то скажет, что это я тебя замучил!

— Макаренко, проводи Лестакова до медпункта.

В строгом старческом голосе доктора слышались нотки важности. Так обычно общались майоры с рядовыми. Виста поставили на ногу Дамир и фельдшер Макаренко. Как и было приказано доктором, его притащили в медпункт. Там пахло хлоркой и лекарствами. Неудобная узкая койка никак не хотела принимать на себя протез и постоянно сбрасывала его со своей скользкой поверхности. Макаренко со знанием

дела поронял пробирки и таблетки, запутался в трубке тонометра и перепутал право и лево. Если будущее медицины в таких дырявых руках, Вист отказывался болеть. Дамир охранял Виста, не отходя от дверей.

— Давай я тебе хлеба принесу! И компота! С курагой, сегодня на ужин повариха сварила! — предложил Дамир, когда Макаренко все-таки удалось измерить Висту давление.

— Не надо.

«Я опозорен дважды. Если не больше. И теперь они вообще не станут воспринимать меня всерьез. Я пропал».

— Т-ты молодец! — кое-как выговорил Макаренко.

Он протер Висту лоб спиртовой салфеткой.

— У Кромвеля все равно больше, — огорченно произнес Вист.

Не хотелось ничего: ни видеть этого трясущегося Макаренко, ни есть сухой хлеб, который притащил Дамир.

— Ну, тут уже кто на что горазд. Стрелок из него никакущий, а вот атлетикой парень занимался, это видно. Может быть, борьба какая-то, — неожиданно на пороге возник Идлен. — С ним тягаться бесполезно. Доктор, ты бы хоть раствор ему какой намешал для восстановления сил, человек в обморок упал!

Закивав и забормотав очередное заикание, Макаренко принялся искать что-то по ящикам.

— Глумиться пришел? — с нажимом спросил Дамир.

— Вы сами с этим прекрасно справляетесь, товарищи со-

служивцы, — ответил ему Идлен и проскользнул к Висту ближе. — Мнение остальных про тебя неизменно, даже после этого перформанса. Но оно может измениться. Ничего не хочу сказать, конечно...

От Идлена приятно пахло сладкими духами и свежестью. Даже несмотря на то, что он страдал на спортплощадке вместе со всеми.

— А я хочу сказать, вот что: пошел бы ты отсюда, — Дамир встал напротив Идлена и теперь Вист смотрел на них обоих снизу вверх.

— Да мне, может быть, человека жалко! По-человечески! Тут на вашей тухлой заставе ни одного доброго...

— Ты и не человек, чтобы жалость к людям испытывать. Ты зажравшийся папкин сыночка! Что он тебя в Москве не оставил? Учиться надо было, чтобы сейчас с челядью в тайге не тухнуть!

Дамир раздувал ноздри и надвигался на Идлена.

— А я и не был в Москве! Я с мамой в Финляндии жил!

Сдавшись, Идлен все-же отступил, скрываясь в вечерней июньской темноте. Вист еще долго пролежал в медпункте, почти до самого отбоя, где его уже в сопровождении дежурного ночной смены и часового отвели в казарму.

Глава 4. Уроки хороших манер

На завтрак овсянка с кусочками кураги, курага и компот из кураги. Каждый день была курага, только с разной кашей, и если поначалу это смешило Виста, то спустя два дня кураговой диеты — начало напрягать. Абрикосы росли в деревне, за деревней, около заставы в диком лесу. Наверное, нечисть тоже питалась сплошными абрикосами, поэтомы была такая злая. Джутьбарс гонялся за проснувшимися в самую срань бабочками, щелкал пастью в надежде перекусить хоть одной.

— Это все бредни, — сказал Дамир, перелистывая старый выпуск комикса про Человека-Утюга и Майского Жука. — Вот скажи, нафига он к нам прицепился?

Дамир то ли читал, то ли просто пялился на цветные страницы.

— Скучно ему, может быть. Не знаю.

— Опять ты со своим «не знаю», достал уже! Что-то другое знаешь?

— Друзей у него тут не нашлось, как я понял. Вот он и ищет, с кем бы пообщаться, — реабилитировался Вист после своего «не знаю».

Он сидел на прочной и негибаемой шине от КАМАЗа и скреб ногтем ее плотную кожу.

— Его даже самые отбитые в свою компашку не берут, а ведь он при всех человека покусал! Будь он собакой, его бы

уже давно сказали усыплять или на цепь во двор! — заключил Дамир.

Вист представил Идлена в его чистой рубашке на цепи во дворе Дамира. Стало смешно. Такой мажорик вряд ли бы выжил в псковской деревне без душа, вай-фая и прочих благ. Он, наверное, даже молоток держать не умел. Вист тоже, но Дамиру об этом знать было не обязательно.

— А какой я был бы собакой? — спросил Вист.

— Надо подумать, — Дамир свернул комикс в трубочку и спрятал за пазухой. — Небольшая точно, с грустными глазами... Венгерская выгла!

— Звучит как обзывательство.

— Нет! Венгерская выгла прекрасный охотник и компаньон! С радостью выполняет команды и легко поддается дрессировке! К незнакомцам относится настороженно, но не бросается, только лает, а врага и покусать может!

Дамир знал о собаках все и, кажется, мог назвать все существующие породы от А до Я. Разбуди его ночью и спроси — ответит. Джульбарс закончил поедать бабочек и принялся грызть зубами землю, жадно глотая ее вместе с червями и личинками.

— Поддается дрессировке? По-моему, я дворовая шавка, а не венгерская выгла, ты что-то путаешь, — скептически сказал Вист.

— Не путаю!

Дамир протянул руку и Вист почему-то ее пожал. Вот как.

Перекур закончился и продолжилась попытка в скромном затхлом классе. Пограничников рассадили подвое, как учеников в школе. Через открытую форточку сочился горячий летний воздух. Пока Вист шел до своей парты, цеплял бедром все углы и крючки. На преподавательском столе до сих пор валялась табличка «Радищев В. Н.», но на дырявый старый стул сел Смирнов. Он сразу убрал мозолящую глаза табличку в первый ящик и с громом захлопнул его, сделав вид, что никто ничего не видел. Смирнов локтем вытер доску, оставив на кителе след от пыли и мела.

— Моя задача проверить ваши мозги на способность думать. Кто не умеет думать, может сразу выйти из кабинета! Желаящие есть? Отлично. А есть желающие отвечать? Лес рук. Пойдем по алфавиту. Буква «а» — Зорин!

— Чего?! Да вам медом, что ли, намазано на моей фамилии? Вон, Коровина спросите, у него из нас всех вид самый умный! — Идлен вскочил с места и хлопнул по парте ладонями.

Дамир хрюкнул от смеха, но сразу же притих под гнетом Смирновского уставшего взора. Как в басне. Какой только, Вист уже не помнил.

— Того! Я сейчас всем скажу, что на твоей фамилии намазано! Зорин, расскажи, как ты поможешь своим боевым товарищам, если на заставу нападет оборотень? — настаивал Смирнов.

— Обезврежу его глушилкой, но если тварь будет прояв-

лять агрессию, то буду стрелять...

— Глушилка — это что такое? — Смирнов спрашивал его таким серьезным тоном, будто и вправду не знал, хотя у самого на кителе висел устранительский значок.

— Глушилкой называют выездную мину-ловушку, нечисть впадает в ступор или двигается с трудом. Зачем вам такую элементарщину рассказывать?

— А у нас тут класс коррекции! — огрызнулся Смирнов. — Я буду у вас только простое и тупое спрашивать! Особенно у тебя!

— Товарищ Смирнов, — Идлен цокнул и закатил глаза. — Вот вам смешно будет до поры до времени! Я отцу позволю и скажу, что вы надо мной издеваетесь!

— Ага, иди звони, уже боюсь! Так, кто следующий к доске? Коровин, а ты что будешь делать, если оборотень проявит агрессию по отношению к твоим сослуживцам?

Дамир отвлекся от ничегонеделания и задумался, уводя взгляд. Ему пришлось встать из-за неудобной парты и выровняться перед Смирновым.

— Как кинолог и устранитель, я бы применил сети и глушилку, чтобы обездвигить оборотня. Вы бы убили буйного человека, товарищ Смирнов? — Дамир сказал это таким страшным и холодным тоном, что Кромвель и Идлен одновременно на него обернулись.

— Да, — ответил Смирнов. — Если человек будет представлять опасность для меня и окружающих, то да, я его за-

стрелю.

Вист знал много нечисти и постоянно видел ее на улицах. Некоторая нечисть даже и не скрывала, что была нечистью, а наоборот, кажется гордилась этим. Вампиры выпячивали клыки, оборотни неприлично всех обнюхивали. Да и по одежде всегда можно было понять, где шел человек, а где кикимора притаилась и косила под девку! Но тут, на пограничной заставе, где всюду кишели устранители — нечисть не водилась и показывалась лишь для того, чтобы перейти границу.

Дамир вместо записей выводил на полях тетради синие косички. Идлен перекачивал во рту жвачку и бестактно чавкал, иногда надувая и лопаая мятный пузырь. Кромвель то ли спящий, то ли пока в процессе, полулежал и бездумно, но очень сконцентрировано пялился на Смирнова. Его короткие темные волосы поблескивали в солнечных лучах, а голову разделила на желтые полосы тень от жалюзи. И все. Как высказался водитель пазика: три калеки. Раньше, будто бы больше устранителей приезжали на заставу, а сейчас ряды измельчали.

Смирнов записал что-то в блокноте, а потом схватился за учебник и перелистнул в самый конец. Там, где лежала закладка.

— Кот-Баюн: огромная образина с усами, ваш домашний Барсик, но в десять раз больше. Болтовней усыпляет бдительность, потом жрет людей. Расцветка камышовая, мо-

жет теряться среди обычных диких котов, при желании принимает человеческий облик кого-то из уже существующих людей. Следите за двойниками!

— Докажите, что вы не Кот-Баюн, — с издевкой сказал Идлен.

— Да легко! Пошел вон отсюда! Не утруждайся, садись в пазик и сразу в Финляндию, по дороге папке позвонишь и спросишь у него, почему мир так несправедлив! — голос Смирнова сорвался на пронзительный крик.

Он побелел, зачесал три волосины на залысину и указал Идлену на выход. Тот только этого и ждал: быстро собрался, забросил вещи по карманам и ушел. Лекция закончилась, Смирнов пролистал тетради, черкнул подпись и отметил о проведении ознакомительного курса.

Устранителей выпустили на спортплощадку, заставили переодеться в легкий хлопковый защитный костюм и выпнули бегать. Для бега Висту нужен был особый протез: на этом он мог широко шагать, но бегать — нет. Его несколько раз обогнал Дамир:

— Как дела?

— Нормально, иду.

«Смирнов ведет себя странно. Задает странные вопросы, не похож он на психолога, скорее на психа. И все делал не по уставу, общается как гражданский. Зачем-то сказал про Кота Баюна, будто мы не знаем. О нем еще на первом курсе рассказывают», — размышлял Вист.

Дамир сделал еще круг:

— А сейчас как дела?

— Иду, нормально.

— Ты знал, что вышел в печать новый выпуск про Человека-Утюга? Давай выпишем? Я договорился с почтальоном, он обещал через дырку в заборе передать, когда созреем.

— Что по деньгам? — к Дамиру и Висту подбежал Идлен.

Он как-то странно вклинился в разговор, будто до этого втихаря подслушивал. От его сладких духов, перемешавшихся с никотином, хотелось чихать.

— Тебя не приглашали! — язвил Дамир.

Вист стоял между ними, как кусок колбасы в подгоревшем бутерброде. Идлен давил, Дамир отталкивал, а Вист молчал.

— Хочу вписаться в вашу авантюру, — Идлен бежал медленно.

Дамир ускорялся, и Висту пришлось держаться за обоих, чтобы поспевать и слушать одновременно.

— Зачем? — не уступал Дамир.

— Что за допрос, Коровин? Или ты не Коровин, а Кот Баюн? Это из-за тебя Смирнов нам устроил веселье?

— Работа у меня такая, вынюхивать у говнарей всякое, смекаешь? Я кинолог, а не кот!

Они вдвоем тащили Виста балластом уже четвертый круг. Потянуло мышцу на здоровой ноге, и Вист поджал ее, цепляя за собой протез. Теперь он висел на плечах Дамира и Идлена, как на турниках. Но парни будто не замечали шестьде-

сят лишних килограммов на себе, а продолжали перебрасываться колкостями. Вист чувствовал себя неудобно. Не только из-за позы, но и из-за положения в целом. Он пытался вставить слово, но проглатывал его, когда кто-то из парней повышал голос.

— Сколько почтальон требует за выпуск? — стоял на своем Идлен.

— Восемьсот, — грубо ответил Дамир.

Они перешагнули через бордюр и вытащили Виста к кольцам. Идлен прыгнул наверх и подтянулся, Дамир последовал его примеру. Вист решил хоть чем-то отличиться и тоже схватился за потертые деревянные бублики. Канат скрипнул и покачнулся.

— Плачу тысячу, на сдачу купишь в чипке⁵ конфетку, — издевался Идлен.

— Сдались тебе эти комиксы! Отстань от нас или говори уже прямо, чего ты хочешь!

Парни отжимались на скорость, жаль Смирнова рядом не было с секундомером, он бы удивился. На спортплощадке стало жарко и душно, яркое солнце пекло спину и макушку. Вист посеял кепку где-то по дороге из терема.

— Свежий выпуск про Человека-Утюга и Майского Жука. Ты плохо расслышал, Коровин? Му-у-у! Так понятно?

⁵ Небольшой магазин на территории воинской части, где солдаты и курсанты могут купить продукты, сладости, сигареты и предметы первой необходимости. Название часто расшифровывается как «Чрезвычайная Индивидуальная Помощь Оголодавшему Курсанту».

— Я тебе сейчас нос расквашу и пойму! — Дамир слез с колец, и Вист понял, что он еще ни разу не подтянулся, так увлекся чужой перебранкой.

Идлен тоже прыгнул. Они с Дамиром поравнялись и дышали друг другу в ноздри, чуть ли не глазами сцепились. Идлен не боялся Дамира, хотя был меньше размера на два.

— Все, брейк! — наконец собрался с мыслями Вист. Он протиснулся к Дамиру и оттащил его. — Хочет комикс, пусть вытягивается, скажешь почтальону, чтобы выписал два. Ничего в этом смертельного нет.

Идлен как-то разочарованно потыкал носком ботинка в песок на площадке. Подул легкий ветерок, его расхлябанную спортивную куртку раскрыло, и сквозь белую майку просветился черный узор татуировки.

«Нельзя же устранителю быть с татуировками... Как его на медосмотре пропустили? Ладно, наверное, как и меня. А он еще сверху бабла накинул».

— Есть, вон, финская язва, очень смертельная болячка! Говорят, мозги разъедает! — крикнул Дамир.

Вот бы за Виста всю жизнь отвечал Дамир. Он хорошо владел навыком отбивания от хамов, умел постоять за себя и других, знал себе цену, видел людей насквозь. Вист такими способностями не обладал. Дамир умел говорить и говорил умело. Вист назначил бы его своим менеджером, чтобы отбиваться от таких, как Идлен.

— Да куда там! Финская язва, говорят, людей во сне ду-

шит парадным ремнем, не слышал такого? На твоём месте я бы его спрятал! — ответно дерзил Идлен.

«Интересно, они ещё помнят, что я тут?»

— Если финская язва будет душить меня парадным ремнем, то я прямо сейчас в рот ей плюну! Открывай! — Дамир схватил Идлена за грудки.

За стычкой у спящего ВАЗа наблюдал Кромвель. Он занимался на брусках, и, видимо, крики привлекли его внимание. Дамир с Идленом растворились в тишине общего гула и Вист словно остался с Кромвелем один на один. Во рту Кромвель смаковал оторванный колосок подорожника. Но смотрел не на ссору, а на Виста. Странно как-то, изучающе. В духе Дамира можно было показать ему кулак или спросить, чего он приперся и зачем вылупился, но Вист снова затух. Словно кто-то высосал из него рвение к жизни и возможность говорить. Кромвель хмыкнул, вытащил колосок и ушел.

— Дамир? — позвал товарища Вист. — Дамир, ты показывал Идлену, какие комиксы сюда принес?

— Ты что-то с собой ухватил? — в глазах Идлена загорелись яркие огоньки. Он заворуженно, уже совсем иначе, повернулся на Дамира. — Покажешь?! Мне отец запрещает эту ерунду заказывать, говорит, что ребячество все, взрослеть надо. А у меня ломка, понимаешь? В интернете нет нигде, только на бумаге. Я тебя как человек человека прошу, Коровин, смилуйся! Хочешь, я на четвереньки встану и лаять начну?

«Все-таки стал собакой. Быстро Дамир эту лису приструнил. Тут даже не надо придумывать породу, у него на роже все написано. И к людям такие лисы бегут, потому что бешенством болеют».

Дамир надулся, поежился, словно выпуская невидимые иглы из позвоночника. Он колебался и взвешивал свое решение.

— Ладно, вечером покажу, хватит унижаться.

Глава 5. Гуманизм

— Оглоеды! Сегодня по плану, который мне никто не оставил, мы должны обсуждать гуманизм. Гуманизм — *человеколюбие*. В гражданском обществе вам могут говорить, что нечисть человеку враг. Это не гуманная позиция! — Смирнов пытался написать слово «человеколюбие», но перепутал местами все буквы.

Кромвель, до этого жуящий вынесенную со столовой курагу, сморщил нос, словно напоролся зубом на косточку и гортанно сглотнул. Он расстегнул куртку и приспустил ее на плечи, оголяя ключицу.

— Расизм терпеть не могу. Вот у нас соседка ведьма, и что нам теперь, мусор к ее двери выносить? — спросил Дамир.

— Не знаю. Мне вот рядом с нечистой неприятно становится. — Вист смотрел на Дамира поверх, увлеченно анализируя наглое поведение Кромвеля.

Наверняка Смирнову отдали приказ к Идлену и Кромвелью никаких претензий не иметь. Если папа Идлена и вправду работал в ФСБ, то им не отделаться потом от проблем.

— Ей с тобой рядом тоже не очень, — нахмурился Дамир.

— Нечисть никогда не станет человеку другом хотя бы из-за того, что одни всегда будут сильнее других. — Вист крутил между пальцев ручку.

Дамир обиженно уткнулся в тетрадь, прекратив этим са-

мым разговор. Вист закусил губу, колпачок от ручки треснул и разлетелся на несколько частей. Кромвель обернулся то ли на звук, то ли услышав его слова, но Вист четко помнил, как зло сверкнул его голубой глаз.

«Дамир перестанет со мной дружить. Он разочаровался во мне. Надо было молчать, зачем я это наговорил?»

— Жалея только людей, — громкий говор Смирнова вернул Виста в реальность, — вы ставите под сомнение один из главных принципов заставы — принцип личной ответственности. Устранители обязаны бдеть посекундно, чтобы не случилось... Казусов.

«Интересно, под казусом он имеет в виду смерть папы?»

— Я не призываю вас к жестокости. На границе все враги, и нечисть, и местные, и гражданские за забором. А вы друг другу — товарищи, так в книжке написано, уважайте устав.

— А вы без книжки не знаете этого? — снова влез Идлен.

Он задавал каверзные, но почему-то правильные вопросы. Вист чувствовал себя неуютно в своем же теле. Кожа будто стала на вид как абрикосовое желе. И Вист начал тонуть в этой отвратительной слизи.

— Память у меня плохая, я институт закончил шестнадцать лет назад, имей совесть, — ответил Смирнов.

Дамир нарисовал на полях тетради маленькую синюю собачку и отогнул лист, показывая ее Висту. Собачка была кривая, неказистая, но с очень доброй мордой. Страх отполз подальше, будто Дамир выстрелил в Виста лучом, вытягивая

всю гадость. Стало тепло, онемение с ноги спало, и Вист смог выдохнуть. Взяв ручку, он принялся выводить контуры и в своей тетради. Рисовал он плохо, еще хуже, чем Смирнов, но в порыве вдохновения поддался соблазну, ответить Дамиру. У него получилась не собачка, а какой-то котопес, почему-то на трех лапах. Хотя Вист ничего своего в него не закладывал. Дамир одобрительно кивнул: каракуля принята.

После лекции у Смирнова, пограничников раздробили на специальности. Дамира сплавили к кинологам и к Висту прилипла главная пиявка.

— Отец мне место на вышке застолбил, — прикуривая, начал Идлен.

«Я хотел на вышку. Мне нужна была вышка. А ты у меня эту возможность забрал, ублюдок. Может быть, тебя тоже оттуда кто-нибудь сбросит, а я посмотрю, сравню два дела. А может быть, мне самому тебя сбросить с вышки? Чтобы ускорить процесс?»

Вист не хотел разговаривать с Идленом и искал среди вывалившихся срочников Смирнова, чтобы он спалил его и устроил нагоняй. Срочники тоже были на лекции, где они слушали про нечисть и про должность, вот только им запрещено было с ней контактировать. С нечистью. В основном их обучали обращаться с оружием, не с лучами или зубцами, а с обычными винтовками и пистолетами, показывали гранаты, а не глушилки.

— А тебе где Ковалев нагрел? — спросил Идлен.

Вист болтался по спортплощадке, ища себе место, но его будто не замечали, будто он в какой-то момент превратился в прозрачное стекло. И Идлен лип на это стекло как муха. Летняя жара накрыла заставу тяжелым, зудящим воздухом. Скрип кузнечиков просачивался через перебубень множества голосов.

— Не знаю... Нигде! Мне никто место не грел... — отрезал Вист.

Он действительно не знал. Если Павел Евгеньевич совсем выживет из ума, то он непременно посадит Виста себе в кабинет, рядом со своим столом и придумает ему работу. Вист оторвал репейник и то цеплял его себе на ветровку, то отрывал, слушая резкий треск колючек от ткани. Раскаленные перила нагрелись до такой степени, что на них можно было жарить яичницу. Вист сел на камень и продолжал издеваться над репейником, выдернув у него почти все листочки.

— Ну, ты, если что, заходи, поболтаем! О том, о сем! Если нужна будет санкционка, ты пиши!

Идлен хитро сощурился и прикрыл длинными ресницами темные глаза-угольки. В душе стало спокойно.

«Надеюсь, тебя с этой санкционкой и спалят, а потом отправят в дисбат⁶».

Часовые на вышках прятались под навесами, а дежурные

⁶ Дисциплинарный батальон — это специальная воинская часть, куда направляются солдаты, сержанты и курсанты, осужденные военным судом за воинские преступления или небольшие уголовные правонарушения на срок от 3 месяцев до 2 лет.

на КПП обмахивались свернутыми газетами.

— Курите?! — Смирновский длинный нос втянул воздух.
— Зорин, иди отсюда, не порть мне добросовестного парня своей аурой — приказу Смирнова Идлен подчинился и ушел.

В одинокой тишине собственные мысли растворялись и плавилась. Кепка на выбритой голове нагрелась под палящим солнцем. Вист принялся писать:

«Дневник. На какой-то из этих вышек нашли труп папы. Вот бы слазить! Может быть, там что-то осталось? Зацепка? Подсказка? Идлен ведет себя тоже очень подозрительно, не хочу ему доверять. Он зачем-то пытается со мной общаться, хотя я из простых, а не из мажориков. Будто что-то от меня хочет и это вовсе не комиксы. Смирнов появляется так внезапно, что стремно становится. Не знаю. Опять не знаю, кому тут вообще можно довериться. Дамир вроде нормальный, но уж чересчур мягкотелый, его первым убьют, если на заставу будет облава контрабандистов. И он никого не сможет пристрелить — ни человека, ни нечисть. Кромвель тупой дебил. Идлен навязчивый. Дамир наивный. Смирнов больной на голову. П.Е просто сумасшедший».

Виста до присяги никто не пустит ни на вышку, ни за забор, поэтому он просто ждал Дамира. Без него и думать, и говорить, да и жить было не так интересно. За эту неделю он стал от Дамира зависим. И эта несносная овчарка стала

совсем родной. Вот Джульбарс Висту нравился больше всех из новых знакомых! Он бы ему все рассказал, если бы тот умел отвечать!

Звонко залаяли вдалеке: Джульбарс бежал к Висту, с раскрытой пастью и его вываленный наружу алый язык трепыхался на ветру. Дамир шел следом и дожевывал пирожок с вареньем из кураги. Выдали по окончании лекции как утешительный приз. Вист уже видеть эту курагу не мог.

— Не сварился еще? — спросил Дамир.

— Нет, норм, — Вист ответил Дамиру.

Идлен сделал круг и со скуки вернулся обратно к шине КАМАЗа. Джульбарс при виде Идлена завилял хвостом, на что Дамир скорчил недовольную кислую мину.

— Фу! Нельзя! Враг! Враг! — командовал Дамир, но Джульбарс дал Идлену себя погладить и вскоре лег на спину, обнажая перед врагом мягкий пушистый живот.

— Отдыхаете, пацаны? — Идлен улыбнулся. От него пахло куревом и свежей землей.

— Вот скажи мне, Зорин, ты просто всех там достал в своей Финляндии? И отец твой фэсэбэшник тебя в ссылку к нам в захолустье отправил? Почему не к себе в Москву?

— Какая тебе вообще разница? В Финляндии скучно, там ничего не происходит. В Москве еще скучнее, я там был три раза... А тут веселуха сплошная! — Идлен сел рядом с Вистом, высыпая ему в открытую ладонь горсть семечек. — Угощайся! — протянул и Дамиру, но сказал с такой фальши-

вой добротой, что Джульбарс чихнул и спрятался за хозяина.

«Вот пристал! — но семечки Вист принял зачем-то. — Ему надо с Кромвелем спеться, две гадюки».

— Да подавись ты своими семечками! Вист! Не бери у него ничего!

Дамир общался и с Джульбарсом, и с Вистом на одном языке: «Фу, нельзя». И Вист, и Джульбарс одинаково его слушались. Вист ссыпал семечки обратно Идлену в кепку. Собаки понимали добрых людей, а добрые люди понимали собак. Поэтому Дамир и стал кинологом.

У бетонного забора, в тени от березовой кроны прятался Смирнов. Он высматривал кого-то в щелку между сваями и в нетерпении теребил завязку шнурка на штанах.

— Кого он там вынюхивает? — Дамир принялся почти как собака.

— Печкина он высматривает, — хладнокровно, будто бы невзначай, высказался Идлен.

Он скромно ковырял семечную шелуху и пинал носком ботинка погнутый листок на земле.

— Почему «Печкина»? — Вист старался запоминать имена и фамилии, чтобы потом легко ориентироваться в преступлениях.

Ему важно было знать местных аборигенов и здешних коршунов. Каждый мог быть преступником.

— Потому что велик у него дорогой, почту развозит на нем, вот и Печкин, — ответил ему Идлен.

В одиночестве семечки он не лузгал, сидел и неуютно ерзал, словно панцирь, которым он накрылся, стал ему тесен.

— Слушай, раз ты такой умный, почему с нами торчишь?
— недовольно спросил Дамир.

Идлен замялся, совсем как Вист, что-то невнятно сказал, а потом отмахнулся и застегнул ветровку. Он мучился от жары, но гордо потел. Печкин просунул Смирнову небольшой пакет.

— Что у него там? — сощурился Дамир.

— Иди спроси, — хмыкнул Идлен.

— Иди и спроси!

Вист ущипнул Дамира за локоть, прекращая и без этого неловкий диалог. Идлен никуда не торопился. На свертке Смирнова не было никаких отличительных знаков или печатей, на государственные документы не похоже — слишком толстый конверт.

— Мутно это как-то все, будто что-то запрещенное перетаскивает к себе в нору, — заключил Дамир.

Вист молча с ним согласился. Их беззаботные трещания прервал сигнал громкоговорителя. Перекур закончился и пограничников согнали в душный кабинет. С наградами и медалями, с грамотами и книгами. Вместо очередного урока доброты и нравственности Смирнов показал пограничникам скатерть-самобранку, которую расстилали только по большим праздникам или юбилеям местных офицеров. Есть с нее было нельзя, но еды на ней — тьма! Слюна скопилась

на языке, и Вист голодно сглотнул: индейка фаршированная, утка по-пекински, рыба заливная, салаты, вина разных мастей, канапе с виноградом и сыром, прости господи, суши!

— Вот бы нашу повариху научить готовить блюда без кураги, — будто прочитав мысли Виста, сказал Дамир.

Он порывался стащить со скатерти несколько канапешек, но у Смирнова, как у робота, голова крутилась туда-сюда, выискивая нарушителей.

— Без кураги только выдающимся пограничникам предлагаем! С медалями! — взмахнув скатертью, Смирнов сложил ее в сейф.

— Значит, если есть медаль за «отвагу» и за «курагу» тоже имеется? — Идлен говорил с таким ушлым прищуром, будто и впрямь что-то своровал.

Он спрятал руки в карманы. Каждая магическая вещь подлежала термической обработке и гордо носила чип. Просто так уже даже птички не пели, все было как надо, как по уставу, как по закону. Украсть что-то из артефактов было практически невозможно. И каждый найденный или конфискованный непременно сдавался в музей или в госучреждения.

— Для тебя, Зорин, лично отолью! Что в карманах? Нельзя казенное воровать!

— Почему мы ходим и смотрим чужие грамоты и медали вместо того, чтобы заниматься настоящей подготовкой? Разве вам не положено давать нам тесты на тип личности и тем-

перамента? Как психолог, вы обязаны были определить нашу пригодность к взаимодействию с внешним миром. Вдруг мы тут все неменяемые и завтра всех наших сородичей перестреляем?

Смирнов кинулся к Идлену, и тот отскочил в сторону, прячась за бюстом первого президента. Бюст покачнулся и Смирнову пришлось оставить Идлена, чтобы схватиться за гипсовую кривую голову.

— Это живой человек? — неуверенно и тихо спросил Кромвель.

— Где? — Дамир нахмурился.

— Белый.

Кромвель ткнул пальцем в гипсовый бюст. Вист теперь понял, почему Велиор не знакомил с ним своего сына: он был недоразвитым. И если Виста недоразвитость коснулась только в физическом плане, то Кромвеля — в умственном. Дамир покосился на Виста с таким выражением лица, что пробрало на смехок. Казалось, безобидная усмешка задела Кромвеля, потому что он сразу как-то замялся и отстранился, снова сливаясь с общей массой устранителей.

— Пошли вон отсюда придурки! — команда Смирнова звучала злобно и серьезно. — Радищев и Зорин — на выход!

— Нет, я не понимаю, почему опять я? Товарищ Смирнов! Я стоял молчал! — громко возмутился Идлен.

— Понравился ты мне.

Вечером июньская жара настигла Виста у излюбленного места возле огромной шины КАМАЗа. На спортплощадке, под растянутой сеткой слонялся в одиночестве Идлен. Это была не настоящая спортивная сетка, а в прошлом рыболовная сеть. Тоже ничего, каждому стоило хоть раз сменить род деятельности. Главное, что пригодилась.

— Я мяч нашел, в псарне. — Дамир ударил полусдутым мячом о землю. — Давай Идлену в морду залупим?

— Не надо, так нельзя, — сказал Вист.

«Давай! Да! Дамир! Пинай! Умоляю, просто случайно его урони, я сам пну! Моим титановым ударом Идлену вообще крышу снесет!» — подумал Вист.

— Ну, ты прямо настоящий гуманист! — Дамир хлопнул его по плечу.

Глава 6. Присяга

— Ты текст присяги выучил? — Дамир лежал на койке и мечтательно смотрел в новенький выпуск комикса про Человека-Утюга и Майского Жука.

На нижней койке под Дамиром такой же комикс листал и Идлен. Он научился пролезать между двумя бетонными сваями, соединяющими этот самый непроходимый забор. Не целиком, конечно, только боком, но этого хватало, чтобы дернуть у Печкина связку цветной макулатуры. Вист их рвение к чтению не разделял. Ему было почему-то все равно, хотя в мыслях он убеждал себя начать читать, чтобы быть «как все».

— Наизусть знаю, — со вздохом сказал Вист и обреченно сложил руки по швам.

Из леса отголосками доносился пьяный хор. Застольное деревенское завывание было настолько тоскливым, что Вист сразу вспомнил похороны. Монета под подушкой бдела за сном своего хозяина. Слов в песне разобрать было нельзя, хоть и напев был уж очень знаком. Вист поежился. Ставни на втором этаже с гроыханием хлопали от сильного ветра. Завтра рано утром, в последнее воскресенье июня, состоится принятие присяги.

Бац. Бац. Бац.

«Дневник. Папа не увидит, как я принимаю присягу, все

вокруг какие-то мутные, даже этот фельдшер, Макаренко. Я узнал, что он Макаренко Макар Макарович, кто в здравом уме так назовется? Вся нечисть называется Иванами и Ивановичами, может быть, вот эта решила отличиться? Смирнов с каждым днем все меньше похож на человека. Может быть, он убил папу? Он служил, когда произошло убийство. Может быть, Смирнов — нечисть? Какая? Пока не могу дать ответов ни тебе, ни себе. Хотел бы я поделиться с Дамиром. Идлен — идиот, зачем-то специально всех драконит, наверное, ждет, когда ему кто-то сердобольный по рожке съездит. Я слышал, что есть такие люди, которые специально напрашиваются. Садомазахисты, такой вид извращения».

Мама обещала приехать поддержать. Больше Вист никого не ждал. Ставни продолжали стучать назойливо и противно. Нервно сдернув одеяло, Вист спрыгнул с койки, едва устояв на одной ноге. Протез и все его составляющие он хранил около витража. Бац. Бац. Бац. Черная клякса Кота Баюна растворилась в ночной темноте на улице.

— Ты куда? — в голосе Дамира послышалась сонная растерянность.

— На второй этаж, ставню прихлопну. Она меня до дурки доведет, к маме твоей в диспансер уеду, — шепотом отпартовал Вист.

Куда-то подевался протезный носок, и Вист прыгал на ноге, скрипя половицами. Пограничники недовольно застона-

ли, кто-то даже обматерил его. Почему-то они игнорировали неприятные и изматывающие звуки ставень, а как он вызвался прикрыть эту какофонию, так сразу на три буквы!

«На место же клал. У окна, вот, протез там, а носок где?»

На нижней койке не спал Кромвель. Он бестактно пялился на Виста и мигал разноцветными глазами по очереди: сначала голубым, потом карим и наоборот. Пока другие спали в майках и трусах, Кромвель валялся сверху на постельном белье в парадном кителе.

Окатило мурашками. Нашелся носок, и Вист натянул его на культю, с настоящей солдатской скоростью напяливая протез целиком. У тумбы куковал дневальный⁷. Висту казалось, что он не сменялся уже третьи сутки. Расписавшись о посещении коридора, с металлическими щелчками и тяжелой поступью Вист вперевалку пошел по бревнам вперед.

Витражей на стеклах не было, голые и скучные окна. Вист внимательно вглядывался в лунную полосу на полу, выискивая нарушителя. Каждая форточка была распахнута, и пришлось выжидать, чтобы уличить ставню в «хлопании». Над наличником висел особый амулет с рогами и головой мертвого оленя — леший из тайги любил заглядывать в терем. Никакая нечисть не могла подсмотреть жизнь устрани-телей, пока их жилища охраняли обереги. Стук ставень пре-

⁷ Дневальный — военный служащий из суточного наряда (обычно рядовой), который назначается для охраны оружия и имущества, поддержания чистоты и порядка, а также для контроля за тем, чтобы солдаты выполняли распорядок дня.

кратился.

С улицы пахло чем-то очень сладким и знакомым. Так пахло в кинотеатре, когда папа покупал попкорн с карамелью. Вист прислонился к подоконнику: звезды светили ярко и неестественно, будто нарисованные. Он почти ощутил их неровную форму, почти потрогал и украл одну себе в кулак... Звезды гипнотически мигали и звали Виста к себе.

— Заблудился? — из ночной темноты в квадрат лунного света вышел Идлен.

Вист замер практически не дыша. Идлен облокотился на подоконник и высунулся на улицу. Он зажмурился и поддался порывам ветра.

— У нас в Финляндии леса другие, не как в России...

— Понятно.

— Отец сказал, что я тут минимум лет пять безвылазно буду, контракт мне особый сделал. А ты?

— По обстоятельствам.

Идлен грустно вздохнул, будто надеялся на развернутый диалог. От неловкости хотелось выпрыгнуть в окно. Вист пощелкал всеми пальцами на руках и поспешил обратно в казарму. К его возвращению Дамир уже давно спал, похрапывал и что-то бормотал. Кромвель так и лежал одетый, смотря в пустоту. Он крепко сжимал кулаки, а колени его едва заметно потряхивало.

Рутинно и со скрипом сняв ногу, Вист с ужасом обнаружил, что монеты под подушкой больше не было. Он поше-

рудил под матрасом, проверил пружины. Сердце забилося у кадыка. Бросило в пот. Пусто.

— Спи! Задрал!

— Тебе-то за опоздание ничего не будет, а мы?!

«Чтобы вы все сдохли!»

Монета, как ей и положено, не откликалась на его зов. Вист вспомнил подмену нашивок и свесился вниз.

— Кромвель! — шептал Вист.

Он махал рукой, но никак не мог достать до соседа. Пришлось применять оружие — твердую подушку, набитую гусяными перьями. Кромвель не спал, и когда получил по груди, только поднял веки, как восставший мертвец. Стало не по себе. Вист пожалел, что бросил в него подушкой, но отступать было поздно:

— Я монету потерял, с дырочкой. Ты не видел?

— Потерял? Плохо. — Кромвель не шевелился, но жмурил свой голубой глаз. Ленин в мавзолее и то живее выглядит.

«Да я вторую ногу даю на отсечение, что это ты ее спер, тварь! Чтобы глаза твои противные завтра на присяге вытекли!»

Без монеты сон не шел, и к рассвету, за несколько мгновений до Смирнова с половником, Вист был одет при параде. Всем выпускникам выдали по собственной винтовке и лучу двадцатого года, новые так и не привезли. Вист гордо закрепил его на ремне. Дамиру выдали зубец — бегать с лучом по

полям и лесам, а уж тем более лазить под машинами, когда в одной руке фонарь, а в другой собака — жутко неудобно. Вист даже представлять это не хотел. Зубец отливался из чистого серебра и сверкал, больно слепя глаза. Теперь устроители обязаны следить за оружием и несли ответственность за его использование.

Плаца на заставе не было, все важные события, включая утреннюю зарядку и тайные игры в мяч проходили на спортплощадке. Пограничников выстроили так, чтобы перед ними оставалось место для выноса знамени и присяжной бересты. По ту сторону площадки скучковались родители. В основном матери и сестры, бабушки и тети. И все они в унисон плакали, кричали имена сыновей и демонстрировали цветастые пакеты с подарками. К шумящему микрофону, довольный и нарядный, со всеми своими награждениями и медалями, вышел Павел Евгеньевич. Он отдал команду для выноса боевого знамени. Знаменная группа, в которой никто не сомневался, в лице Идлена и Кромвеля внесла знамя под звуки торжественного марша.

«Хорошо, что меня не назначили. Тогда точно блат. Из этой заднице мне было бы труднее вылезать. Если бы этим делом занимался ПЭЕ, я бы стопроц там стоял, с этим знаменем».

Весь состав пограничников отдал честь. Павел Евгеньевич проверил микрофон, дунул в него и, щурясь от солнца, поприветствовал всех:

— Товарищи пограничники! Устранители и солдаты! Сегодня, в этот знаменательный день, вы примете военную присягу — священную клятву верности людскому народу, границе, Родине! Вы стоите в строю защитников, как когда-то стояли ваши отцы и деды.

«Только не начинай. Не вспоминай отца и пятьдесят поколений героев в моей семье. Господи, если ты есть...»

— Вы, товарищи, будете нести службу здесь, на границе с Эстонскими навками! Государственная граница на замке — не просто громкие слова, а ваш долг! Вы должны стоять насмерть, защищая мирный труд гражданских!

Идлен гнулся под тяжестью знамени, его колени дрожали, а спина потеряла былую ровность. Он боролся с шестом, словно Кромвель только делал вид, что держал, а на самом деле лишь изображал. За ними пристально наблюдал Смирнов. Он впивался в Идлена комариным взглядом и поджимал губы, будто что-то обдумывая.

Павел Евгеньевич отдал приказ поставить знамя в специальную лунку, и пограничники выстроились в шеренгу для чтения присяги. Павел Евгеньевич поочередно подзывал каждого, а Смирнов выдавал твердую картонную папку, обтянутую красным коззамом. В ней был вклеен типографски отпечатанный бланк на бересте с текстом присяги. Идлена Павел Евгеньевич проводил с широкой улыбкой, похлопал его по плечу. В толпе прошел слухок, что папа Идлена прибыл на заставу рано утром вместе с целым нарядом ФСБ. Но

вот когда дело дошло до Кромвеля, Павел Евгеньевич почему-то резко изменился в лице и позеленел.

— Как... Как доехал? — спросил он.

— Замечательно, товарищ начальник заставы, — отчеканил Кромвель, расписываясь в бланке зачисленных. — Колесо прокололи, а в целом все отлично. У вас как дела? Нездоровится?

Было в этом что-то язвительное, с подковыркой. Вист ступил к папке следующим, но Павел Евгеньевич все еще не мог раздуплиться.

— Я, честный гражданин Российской Федерации, вступая в ряды пограничных войск, принимаю присягу и торжественно клянусь быть храбрым, смелым, бдительным, строго хранить государственную и военную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров. Я клянусь добросовестно беречь народное имущество, устранять нечисть и помогать людям. Клянусь до последнего вздоха быть преданным своему сердцу и никогда его не подводить. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Вист тараторил присягу так, словно читал на рэп батле и никак не мог успокоиться. Как по заказу, в кармане парадных брюк он нащупал монету. Она выскальзывала из неудобных перчаток и не хотела вкладываться в ладонь. Павел Евгеньевич снова при всех его опозорил, приобнимая за плечи.

— Молодец! Молодец! Я тобой горжусь! Это сын Лестакова Виталия! Героя страны!

От этого начинало тошнить. Где-то там, в общей родительской суете хлопала мама. Павел Евгеньевич заточил Виста в душных и потных объятиях, прижимая так крепко, что хрустело в ребрах. Он еле выпутался, чтобы успеть на закрывающий марш. Проскочил с металлическим громоханием и встал в строй, чуть покачиваясь. Боевое знамя унесли, Павел Евгеньевич объявил о завершении ритуала. Красный как рак, Смирнов махнул, и дежурный выпустил стадо родителей к своим ненаглядным детям.

Отец Идлена вышел со всем строем, в парадном, с медалями и орденами, но держался в стороне, как-то холодно, совсем по-военному строго, никак не реагируя на сына. И мать Идлена тоже стояла неподвижно, как кукла. Кто-то шепнул, что она специально прилетела на присягу из Финляндии. Идлен, понурый и с опущенной головой, выслушивал что-то от отца. Дамира окружили женщины и хромой мужчина лет пятидесяти с тростью. Они плакали, обнимали и целовали Дамира в щеки. Рядом с Джульбарсом прыгала маленькая кудлатая болонка. Звонкий лай смешался с какофонией других звуков.

Мама набросилась на Виста с плачем, тоже поцеловала в лоб, оставив след от красной помады, и долго-долго крутила рядом с собой. Незаметно к ним подкрался и Павел Евгеньевич:

— Ну, Галка, принимай бойца!

— Красиво сказал! Весь в отца! — Мама не отпускала белую перчатку Виста.

— Жаль, конечно, что Виталя... Мы тут бессильны... — продолжил грустную ноту Павел Евгеньевич. — Но ничего! Он тут под моим крылом, никто его и пальцем не тронет! Я тебе это обещаю!

— Уж надеюсь! Смотри своим крылом случайно моего сына не сбей. — Мама вытерла слезу парадной перчаткой Виста и нашла силы для смеха. Он у нее вышел тихим и скорее печальным. — А где Велиор? Почему к Кромвелю никто не приехал?

Кромвель сидел на перилах, красиво одетый, нервничающий и одинокий. Когда к другим подходили родные и близкие, на него никто не обращал внимания.

— Я звонил ему утром! Галка, ты не поверишь! Он сказал, что подхватил грипп и наотрез отказался приезжать! Грипп! Ты можешь себе представить? Грипп оказался важнее присяги родного сына! — Павел Евгеньевич показательно цокнул.

— Думаю, и ты, и я прекрасно понимаем, в чем тут дело. Не в гриппе, Паш. — Мама, будто в подтверждение своей любви и преданности, погладила Виста по вспотевшей спине.

А потом приникла и начала покачивать его из стороны в сторону, как маленького непоседу. Вист молча ждал, к чему приведет их разговор. От интереса он позабыл о жаре и

коршунах, которые дразнили его блатным. Пусть Павел Евгеньевич хоть до вечера с ним рядом стоит, если разболтается.

— Струсил и уволился, это я понимаю! Но струсил и не приехал на заставу...

— Оставлять своего сына в такой важный момент! Даже я приехала сюда! Хотя у меня жизнь труднее, чем у вас всех вместе взятых! Ты думаешь, Паш, легко быть вдовой? А? Кромвель, мальчик, подойди сюда!

Мама неожиданно поманила рукой Кромвеля, как одичавшего кота на тротуаре. От напряжения задергалась мышца на бедре. Холод продрал позвоночник, жара отступила, солнце закрыло облако. Вист сглотнул. Кромвель сделал вид, что не расслышал, но на второй раз притворяться было некультурно. Он шел нарочито медленно, словно ожидая, когда мама передумает. Но мама передумывать не собиралась.

— Нос повесил, а зря! Надо было сразу подойти, поздороваться хотя бы, будто чужие люди с тобой! Что у тебя с глазом? — мама потянулась к Кромвелю, но тот ловко ускользнул к Висту.

— Вчера что-то попало, соринка, вытащить не смог, к утру опухло. Не стоит за меня переживать...

«Ну, наконец-то! Хоть какое-то мое проклятие подействовало! Неужели!» — возрадовался в мыслях Вист.

— Хватит мямлить! — Павел Евгеньевич стукнул Кромвеля по хребту. — Завтра на службе все соринки выдует! И

сразу все пройдет! Филонить мне тут не надо! Сходи до Гарина, пусть он тебе выпишет какую-нибудь микстуру. Вист тебя проводит, а взрослым надо обсудить взрослые дела! Свободны!

Вист кивнул маме и поспешил скрыться под ближайшим навесом. Пыхтя и матерясь, в горе металлолома сидел связист. Когда-то все эти обезображенные коррозией детали были приемником магических волн. Связист подтыкал сползающие очки, искал мелкие шестеренки и кнопки с лупой, но что-то не сходилось.

— Дальше прямо и направо, будет медпункт. Увидишь. — Вист скорее хотел сплавить Кромвеля и поискать Дамира, но Кромвель, чуя это, только хмыкнул.

— Товарищ начальник заставы вроде сказал тебе меня проводить.

«А я не хочу! Может, ты заблудишься и тебя собаки разорвут!»

— Там недалеко, направо свернешь и за забором будет, — вежливо ответил Вист.

— А как же «беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров»? Или твоя присяга после принятия ничего не значит? Или товарищ Павел Евгеньевич для тебя не командир?

Кромвель изучающе обошел Виста и случайно пнул корпус приемника, отчего испуганно подпрыгнул. Внезапный страх Кромвеля будто напитал Виста, придал ему сил и успо-

коил.

— А где Велиор? — решился спросить Вист.

— Заболел, — Кромвель ступал за ним позади, и издевательски копировал его перевалочную походку.

На языке вертелись едкие ответы, но они проглатывались вместе со слюной.

— Тебе не обидно?

Вист зажмурился и нащупал в ладони твердую гладь металла. Невидимый пистолет с полной обоймой готов был искать свою цель. В фантазии развился сюжет, где Вист стрелял в лоб Кромвелю, расстреливал его как в тире. Серо-розовые мозги Кромвеля разлетелись по асфальту, замарали связиста.

— Мне страшно, — ответил Кромвель.

Он боязливо отвел взгляд на тайгу. С ветки сосны вспорхнула сова.

Глава 7. Сосед

Вселенная услышала Виста неправильно. Вообще не так, как он планировал. Выбить себе место на вышке не получилось: сказали, слишком тяжелая работа. Павел Евгеньевич назначил его на должность пограничника КПП. Дотошная проверка документов, бумажная волокита и житье практически двадцать четыре на семь в маленькой будке, почти как у Смирнова.

На входе Виста встретил смрад махорки и старой тушенки. В углу спряталась буржуйка. Широкое заляпанное окно, пыльные подоконники, выгоревшие на солнце документы. Никакого уставного порядка. Дожить бы в этой барокамере до зимы. Стены были увешаны плакатами с громкими лозунгами о чести и достоинстве, о гуманизме и дружбе с нечистью. На столе, среди горы макулатуры, валялся позапрошлогодний календарь с лучшими видами Байкала. Крытые ящики не задвигались в стол, а наполнились смятыми документами и мелким конфискатом. Где-то там должна была валяться рация для связи с заставой. Через тонкую стену гипсокартона пустовало место оперативного дежурного. Скоро кого-то переназначат на эту должность. Вист мысленно перебирал достойных кандидатов. Тут играла роль родовая, как у породистой собаки, успехи в учебе, дисциплина и личные качества.

«Сейчас подселят мне гандона какого-нибудь редкостного, буду выслушивать его нытье или издевки».

Оперативный дежурный — не шутка, а важная и серьезная работа. Поэтому и человек тут должен сидеть достойный! На стыке поленьев, как икона, ютился старенький приемник магических волн. И выглядел он лучше, чем тот, в котором ковырялся связист. Хоть что-то новое в этой беспросветной постсоветской дыре. С замиранием сердца Вист уставился на дверной проем. Тонкий силуэт Кромвеля прорезался тенью сквозь отблески рассвета.

Вист не вспомнил ни одного знакомого слова, чтобы выдать его из себя. Протез с щелчком согнулся и коленка приподнялась, натягивая тонкую ткань штанов. Разные глаза Кромвеля ходили как маятники. Он смочил губы и скрылся за гипсокартонной перегородкой. Вист вытянул шею и посмотрел на Кромвелем через прорубленную в стенке арку.

Первым делом Кромвель снял трубку коцаного желтого телефона, послушал гудки и повесил на место. Вторым делом он провернул кнопки радиостанции, так внимательно выслушивая помехи, словно понимал что-то помимо треска и шипения. Третьим делом он покрутил стереотрубу, всматриваясь вдаль зеленого горизонта. Тепловизор никого не уловил, и Кромвель отложил его на место.

В отличие от половины каморки Виста, у Кромвеля перед лицом растянулась карта местности, точная копия их заставы с подробностями, расписание дежурств и маршруты пе-

ших патрулей. Кромвель водил по пунктирным тропкам тонким пальцем, исследуя границы своих должностных обязанностей. На его рабочем столе мигали лампочки и светились от солнечных лучей кнопки вызова и связи. У Виста не было ничего. Окно, бумаги, список разыскиваемых лиц и запреты на въезд по определенным причинам. Кромвелю, очевидно, это место досталось по наследству. Висту по наследству досталась только жалость от других.

«Может быть, Велиор тоже умер? Может быть, Кромвель его убил? И папу тоже Кромвель убил?» — Вист продолжал подглядывать и подслушивать за Кромвелем, опершись на хлипкий стол. Кромвель прищепил себе палец и скрутился от боли, прижимая руку к груди. Какая радость! Счастье длилось недолго: протез подвел, титановая нога распрямилась и Вист повело. Он зацепился за ворох макулатуры, но нарушил долголетнее равновесие хлама и потащил его за собой. Кромвель и ухом не повел. Сел ровно на своем стуле и тупо пялился в окно. Вист ворочался на полу, как беспомощная черепаха на пляже. Над ним уже летали выдуманные коршуны, норовившие разодрать острыми клювами его пузо. Оттолкнувшись на локтях, Вист подтянулся вперед и перевернулся, опираясь на здоровую ногу. Тяжелая конструкция протеза тащила вниз.

«Нет, этот придурок вряд ли мог кого-то убить. Весь в своего папашу. Такой же тюфяк!»

Расправив куртку, напялив на уже заросшую макушку ко-

ричневую фуражку, Вист, следуя примеру Кромвеля, сел за стул и принялся ждать. Во вспотевших ладонях мелькала папина монетка. Вист раскручивал ее и ловил, прихлопывал сверху или просто созерцал ее быстрый танец. Когда-то папа учил его крутить монетку щелчком ногтя.

— Время срать, а мы не ели! — Смирнов так неожиданно возник за стеклом, что Вист уронил монету.

Она укатилась, и Кромвель ловко придавил ее сапогом.

— Бегом встали! Скоро очередь до Пскова будет, такие вы тормоза!

Неразборчиво, но понятно для себя, проговорив «так точно!», Вист как мог, выбежал на улицу, оставив папин оберег в лапах врага. У шлагбаума тарахтел автомобиль. Немецкая иномарка, название которой Вист так и не знал, с какой буквы выговаривать «в» или «ф», универсал, на багажнике надпись серебристым цветом по-английски «Пассат».

— Здравия желаю! Предъявите документы для въезда, — скороговоркой зачитал Вист выученный текст.

Девушка за рулем Пассата кивнула и принялась рыться в бездонной сумке, вытряхивая оттуда весь хлам. Она общалась с Вистом, как обычный человек общался с человеком. Скорее всего, гражданка даже не заметила, что у него вместо ноги протез.

«Шестидесятый регион, скобари. Одна пассажирка, она же водительница, на вид лет двадцать пять. На автомобиле нет видимых повреждений, подтеков».

Громоздкая папка с данными преступников неудобно уперлась в ребро, пока Вист искал верное положение, чтобы читать, сверять и следить за пассажиркой одновременно. За спиной цокал Смирнов. Паспорт, водительское, виза, регистрация транспорта, все было в порядке и никак с преступным миром не перекликалось.

— Цель вашего визита? — Вист наклонился и зажал папку между бедер, чем смутил не только девушку, но и позади стоящего Смирнова.

— Ищу стиральную машинку, чтобы туда влезли коврики от Волги-два. В Таллине есть парочка магазинов.

Погрузившись в мыслительный процесс, что совсем было не по уставу, Вист поднял брови.

— Подождите. Волга-два, это же теплоход, верно? Если я вас не так понял, вы поправьте. Может быть, вы имели в виду обычную Волгу?

Вист старательно обходил резкие выражения, нелепо улыбался и ответно моргал своей собеседнице. Все-таки, это его первый гражданский на осмотре. Девушка почесала лоб, поправила челку и уставшим, практически утробным голосом сказала:

— Нет, у нас коврики от теплохода. В обычную стиралку они не влезают, присматриваю барабан побольше.

Вист обернулся на Смирнова. Смирнов пожал плечами, и Вист повернулся обратно.

— Планируемая продолжительность поездки?

— Двое суток.

Вист попросил гражданку выйти из автомобиля. Нормальные люди не вели себя странно. Странно вела себя только нечисть. Нечисть имела у себя дома странные предметы: от ковриков теплохода до вагона поезда, вшитого в этаж дома. У людей все было обычно и скучно, как надо, как правильно. По документам гражданка — человек.

«Поддельные?» — Виста учили доверять своей чуйке. Лучше перепроверить, чем потом узнать о преступнике, ускользнувшем из-под носа. Компьютер не обнаружил нарушений, код считывался, фотография совпадала с электронной регистрацией. Нельзя было оставлять странности, и тем более, подпускать их близко. Вист сжал рацию и прислонившись влажными губами затараторил:

— Прием! Вишня, прием! На связи Курага! Нужен кинолог на пункт! Прием!

Но Кромвель, который, между прочим, Вишня, метался по кабинету, словно не знал, откуда доносился звук. Вист жестом показал ему на рацию и прислонил ее к подбородку для наглядности.

— При-ем, Ви-шня, на связи Ку-ра-га! Ну-жен ки-но-лог. Повторяю, нужен кинолог! Прием!

— *Прием, Вишня, на связи Курага,* — донеслось из рации в ответ.

Сквозь мутное окно на него смотрел и Кромвель. Вист постучал кулаком по голове:

— Прием. Это ты Вишня, а Курага — это я, прием.

Дежурный, видимо, вдохновившись соком «Фруктовый Ад», раздал новому набору абсолютно глупые и детские позывные. Как наклейки в садике на шкафчиках. Через полминуты к ним радостно бежали Джульбарс и Дамир:

— Наша первая совместная работа! Что у тебя тут? Контрабанда? Буйная нечисть? Нелегалы?

— Коврики от теплохода, — расстроено ответил ему Вист.

Теперь казалось, что он сорвал товарища по пустяку. И вообще, сейчас не найдется у нее ничего подозрительного, потом все его обсмеют. Просветив документы лучом для проверки водяных знаков, внутрь машины запустили Джульбарса. Он старательно вынюхивал каждый сантиметр Пассата, но, ничего не обнаружив, вернулся к Дамиру за вкусняшкой. Зеркала под днищем тоже ничего не показали.

— Досмотр окончен, счастливого пути! — одним полукругом Вист попрощался с гражданкой, а вторым попрощался с карьерой пограничника, потому что Джульбарс умудрился пометить колесо Пассата.

«Вот и пассат случился на Пассат».

Он искал запрещенные зелья, компоненты для ритуалов, артефакты с черного рынка, зачарованные предметы, живых магических существ, но нашел только фантики от конфет, сменную обувь и коврики из каюты теплохода. Машина скрылась за вторым шламбаумом и выехала за границу. Их

с Дамиром схватил Смирнов. Своим комариным носом он яростно вдыхал воздух. Его побагровевшее от злобы лицо слегка перекосило:

— Вы что себе позволяете?!

— Товарищ старший лейтенант, мы честно до вызова ходили в туалет... — проблеял Дамир.

— Какой туалет, Коровин?! Вы как себе позволяете так общаться между собой при гражданском?!

— Такого больше не повторится, товарищ старший лейтенант! — хором ответили товарищи.

Джультбарс залился злым лаем. Поводок натянулся и Дамир полетел на землю. Испачкавшись в пыли, он пытался успокоить Джультбарса, но пес на команды не реагировал.

— Вон! — Вист указал на крышу КПП.

Там, растянувшись на солнцепеке, лежал облезлый рыжий кот. Он полностью игнорировал шумы и собачий лай, наслаждаясь летним теплом.

— Брысь! Брысь!

Дамир пытался перекрычать Джультбарса, но его вопли утопали в лае. И кот никуда уходить не собирался. Рыжие коты вообще обладали поразительной наглостью, будто этот мир принадлежал им, а люди были жалкой прислугой.

«Кот Баюн!» — подумал Вист и навел на него луч, тратя целый заряд. Кот бросился прочь, но никаких магических следов не оставил, даже когда Вист полез за ним под служебный автомобиль. На маленьком экранчике отражались лишь

незначительные магические волны, которые витали в воздухе постоянно.

Дамир кое-как усмирил пса при помощи нескольких кусочков хлеба. Вист вернулся на базу. Он зашел на территорию Кромвеля без стука. Кромвель сидел за столом точно так же, как сидел до этого. Прямо спросить про монету не получалось, не выдавливалось, как бы Вист не тужился. Яйцо было проще высрать, чем сказать. Вист промониторил вышку рядом, шлагбаум и снова вернулся к Кромвелю.

— Понимаю, тебе со мной неприятно... Но...

«Это мне должно быть с тобой неприятно! Сын уroda! Верни монету!»

— На ниточку ее привяжи. — Кромвель замахнулся и ударил Висту по ладони, всовывая ему монету. — Так где-нибудь потеряешь и все, конец. Будет грустно.

«Вот придумал! Еще угрожает?! Ты совсем офонарел?! Да ты мне должен сто извинений за эти две недели и за папашу своего!»

— Спасибо, — ответил Вист.

Кромвель скучающе положил голову на стол, оставив Виста стоять в дверях. Замигала лампочка и из рации с помехами послышался знакомый голос Идлена:

— Прием, Вишня. На связи Персик, пеший на дорожке-три. Прием.

Третьей дорожкой тут называли тропинку около заставы, проходящую мимо гниющего валежника. По ней туристы до-

бирались к КПП, продираясь через ветви и корни. Совсем рядом под слоем мха пряталось болото. Вист напялил коричневую фуражку, поправил воротник серой рубашки и выпрямился.

— Добрый вечер, — Вист козырнул мужчине с рюкзаком, — цель поездки?

Поздно одумался, что мужчина-то пешком шел. Какая поездка? Визуальный досмотр гражданского: нечесаный, грязный, весь увешанный украшениями и безделушками. Рюкзак легкий, маленький. Ботинки хоть и старые, с дырявой подошвой, но парные. Лесо-полевая нечисть частенько надевала только два левых ботинка. Минуя зигзагообразное ограждение, мужчина вытащил паспорт и просунул в щелку под толстым стеклом.

— Добрый, к родственникам в Пярну, — его голос был спокойным, движения плавными.

Старый компьютер пробудился от сна и загудел, плюясь пылью. Программа по считыванию кодов выползла на квадратный выпуклый экран. С августа прошлого года Эстония ввела полный таможенный контроль на въезде в Россию. Для пеших пассажиров это означало проверку каждого человека и его багажа.

Бумага официальных паспортов имела свои тактильные отличия с краю страниц и хрустела по-особому. С утра Вист уже шупал паспорт гражданки с ковриками от теплохода, и будто бы, разница в качестве была. Или он себя накрутил?

— Почему на ламинации пузырьки, Иван Валерьяныч? — Вист поднес паспорт к лампе. По базе данных все было чисто: колдун, без нарушений, без розыска. И пузырьков на ламинированной странице не было.

Мужчина гортанно сглотнул, слегка нахмурился и попытался заглянуть через плотное пуленепробиваемое стекло к Висту на стол:

— Ошибка типографии, мне такой выдали.

Вист как-то и сам натыкался на косяки паспортного стола. Знакомая ситуация породила семя сомнения: а вдруг, действительно, все хорошо? Иван Валерьянович в розыске не находился, колдовал мирно, чернокнижием не увлекался.

— Извините за такой личный вопрос. — Вист делал вид, что листал базу данных. — Тут написано, что у вас льгота на санаторное лечение в Пярну. Вы приехали за дочерью?

В Пярну проходил реабилитацию сам Вист. Санаторий специализировался на лечении и профилактике опорно-двигательной системы, помогал расхаживаться тем, кто только-только встал на протез. Вист поджал губы и трусливо спрятал шею, как страус. Он выжидал.

— Да, они сейчас с женой там, кое-как отпросился с работы, — без запинок и раздумий сказал мужчина.

Бам! В графе дети — пусто! В базе данных жена имелась, но детей не было, как и в паспорте на последней странице. Вист и сам не всегда помнил, что где-то там была какая-то таблица. Монета нагрелась от теплой ладони. Что-то липкое

и неприятное засело в груди, расплзаясь по позвоночнику, цепляясь за ребра. Вист не должен ничего бояться: вокруг люди, люди с оружием, да и он сам тут не просто так штаны просиживал.

— Выздоровливайте! — Вист отодвинулся на стуле, зацепился протезной коленкой за стол и сделал вид, что ставил пропускную печать в загранпаспорт.

На шее словно кто-то сидел, тяжелый и ледяной. В лихорадке подрагивал большой палец на правой руке. Вист поднес паспорт к лупе: странный, слегка плывущий рисунок на фотографии, а герб, закрывающий лицо, не переливался перламутром.

«Точно подделка! Так и знал, гнида, сейчас ты у меня попляшешь!»

Вист откинулся достаточно далеко, чтобы пересечься взглядом с Кромвелем. Он ждал какого-то отклика, одобрения или просто обычного человеческого «понял тебя». Вист семафорил ему бровями и зрачками показывал на улицу, где за мутным стеклом мельтешил мужчина непонятной наружности. Кромвель равнодушно пялился на него, а потом, будто вообще не понимая намека, убрал из рук ластик обратно в стакан с канцелярией и отвернулся.

— Вишня, прием! — шикнул Вист.

Грубость вырвалась неконтролируемо, когда мужчина начал интересоваться, все ли там хорошо. У Кромвеля на приборной панели была специальная кнопка для фиксации за-

писи с камеры в отдельную папку, видео с которой не удалялись с истечением срока.

— Прием, — издевательски повторил Кромвель.

— Код три, — шепотом продолжил Вист.

Первый — это высокий риск нападения, второй — невменяемый или пьяный, третий — подозреваемый в подделке документов, четвертый — в розыске, пятый — просроченные документы, шестой — что-то с машиной, седьмой — важная шишка. Да, в протоколе было и такое. Кромвель нахмурился и медленно, как-то опасливо, повернул голову к Висту. Вист мотнул ему в сторону панели, мол, жми!

«Разве этому дебилу не проводили инструктаж перед оформлением на должность?! Или папаша постарался, чтобы сыночку ничего не нужно было учить? Отвалил бабла, как папаша Идлена, чтобы кошерное место получить с высокой эппэ, а остальное не важно! Будь ты проклят».

— Мужчина-колдун, кажется, у него поддельный паспорт! — еще тише заговорил Вист. — Нужно его грузить в допросник!

— Какие основания? То, что он колдун?

«Я тебя урою сейчас, прямо тут, вместе с этим сраным мужиком!»

— Устав такой, — ответил Вист.

Его манера говорить начала напоминать Смирновскую. Почему-то такая ассоциация оставила на языке неприятный едкий осадок. Как будто желчь подступила к горлу. Вист по-

морщился.

— Фиксируй камеры, дату я уже записал! У него не сходится версия! И что-то с фоткой, нужны спецы!

Но вместо вызова бригады, Кромвель встал и, перевесившись через плечо Виста, сам выглянул к мужчине:

— Зачем вы подделали паспорт?

У Виста вся спина потом облилась, а единственная работающая ступня онемела. От страха заныло в животе, пересох язык. Вспышка адреналина выстрелила в голову. Вист вытянул здоровую ногу и уперся пяткой в скрипучий пол. Круговым движением, как на зарядке, он вылез из-под Кромвеля, добрался до панели и ударил по кнопке вызова.

Мужчина за стеклом побледнел и пригнулся, будто пытался слиться с окружающей средой. Волосы мужчины, до этого спрятанные под кепкой, постепенно обратились в древесную кору, и уж тогда Вист понял, кто на самом деле скрывался за паспортом колдуна. Метсаэма — эстонская лесная нечисть. Борода его стала мхом, а на носу выросла пара бородавок.

— Парни, мне очень надо в Эстонию... — сипел метсаэма. — У меня там родня. Оступился маленько, дали за кражу условку. Я честный...

Вист схватился за луч. Зарядный отсек засветился и заполнился до самого верха. Кромвель вцепился Висту в руку, оттягивая вниз. Мышца судорожно дернулась и ноюще заболела. Метсаэма взбодрился и затравленно заозирался по сторонам. С вышки на него направил фонарь Идлен:

— Всем оставаться на своих местах!

Пути отступления закрыты. Вист почувствовал, как громко билось его сердце. Оно вдруг стало огромным и занимало почти всю грудную клетку. Вист пытался вдохнуть, но что-то мешало: Кромвель заламывал ему руку, всем своим весом давил Виста к столу и выбивал луч из ослабевших ладоней. Приемник магических волн захлебывался в помехах.

— Пусти, гнида! — вслух сказал Вист.

Он двинул тазом, высвобождая правую ногу и с размахом наступил на ботинок Кромвеля. Титан согнул мягкую ткань кожаной обуви на берцах и достал до ступни. Кромвель ослабил хватку. Вист вырвался. Развернулся и с полуборта вмазал Кромвеля локтем в бок. Заряженный луч выстрелил в арку окошка. Он попал метсаэме в живот, и того скрутило в неестественной позе, а по искрящейся полосе в луч начало заползать его колдовство.

«Обезвредить. Обезвредить. Он вел себя странно и агрессивно. Он бы напал. Он бы напал. Я сделал все по регламенту».

Для нечисти такой слабый, однозарядный удар лучом был как слону дробина. Нечисть слабела на несколько минут, теряла способность говорить и двигаться. Вист вышел на улицу из каморки не помня себя. Он оперся о пограничный столб и наблюдал, как дежурные крутили метсаэму и утаскивали в допросную. Когда метсаэма скрылся за массивной металлической дверью, к Висту подбежал Дамир:

— Я выстрел видел! Кого ранили? Ты цел? Лицо? Руки?
— он вертел Виста и пытался в сумеречной темноте разглядеть травмы.

— Никто не ранен, — полупшепотом ответил ему Вист. — Я выстрелил.

Дамир сделал шаг назад.

— Зачем?

— Посчитал нужным.

И снова грубый ответ. Вист прикусил себе язык, ссезживая кровь в качестве наказания.

— А как же гуманизм?!

— Гуманизм — это человеколюбие. А метсаэма с поддельными документами — нечисть.

Вист повернулся на КПП. Оттуда на него с каким-то странным осуждением смотрел Кромвель.

«И ты, значит, у нас, гуманист, да, разноглазый? Наверное, просто надо было, чтобы твоего папашу нечисть убила, а не моего».

Глава 8. Шлагбаум

Всю ночь Вист сопротивлялся сну, мучаясь от голоса совести, который неожиданно проклюнулся словами Дамира, настенными плакатами мамы.

«Дневник. Меня все достали. Я выгляжу и звучу как пубертатный подросток, но меня на самом деле никто не может тут понять. Нечисть, даже самая мирная и маленькая, могла убить папу. Я не знаю. Я снова ничего не знаю. Дамир со мной разговаривать не хочет. Я думаю, он общается со мной, потому что я лох. Неприятный лох. Еще и Комар выговора не сделал, быстро вклинился П.Е. Сокамерники снова удрачат меня как блатного».

Снова вся застава видела, как его ошибку заглаживал полковник. Так должно было быть с Идленом или Кромвелем, но никак не с Вистом, сыном героя. Казарма пустела. Дамир лежал на койке спиной к Висту и болтал с Идленом:

— Что будет дальше с метсаэмой?

— Отвезут в Зажимск, там в изолятор кинут. — Идлен встряхнул комикс, поправляя согнувшуюся страницу.

— А потом?

— Суп с котом! — шикнул Идлен. — Четыре года исправительных работ, если не буйный. Если буйный, то на зону.

Вист словно стал прозрачным и хрупким, как прямоугольник слюды. Дамир отгородился от него своими широкими

плечами. Скрипнули пружины и Вист спустился. Кромвель лежал на койке калачиком, закрыв локтем лицо. Одеялом не укрывался, а смял его рядом, как и подушку. Вист с щелчком закрепил протез и выковылял из терема на улицу. Могучие сосны хватали на колючие лапы лунное серебро, в безоблачном небе сияли крохотные звезды, не такие, как в прошлый раз. Дерево поскрипывало, когда Вист ступил на крыльцо. Воздух, днем пахнувший хвоей и нагретой смолой, теперь отдавал сыростью речной купели и таинственным, чуть горьковатым ароматом какого-то цветущего растения.

На вышке, в деревянной будке бдил дежурный. Но не той, где протирал штаны Идлен, а на той, где в последний раз видели папу. Вроде бы здесь, у частокола, — царство спокойствия, закон и порядок. А шаг в сторону, за речку, и уже иное, дремучее царство, где ветер шептал на эстонском и тени ложились иначе. Вист всматривался в синюю муть леса сквозь вышку дежурного.

«Ничего у меня не получится».

Спортплощадка сама поманила его к себе, и, скинув неудобную форменную куртку, Вист встал в планку. Неразогретые мышцы тянуло, но, как думал Вист, эта боль должна его закалить. Тут, на пограничной заставе, у него не будет времени, чтобы сделать разминку. Враг мог объявиться в любой момент. Вист не знал, к чему готовился. Тело вибрировало от напряжения, пресс горел. Этого было мало. После планки Вист принялся приседать, отжиматься и подтя-

гиваться. Ровный нечастый пульс сменился агрессивным бегом. На сухом асфальте осталось мокрое пятно в форме груди. Живая нога потяжелела настолько, что, наверное, сравнялась по весу с титановой. И это мерзкое чувство переросло в мгновенное облегчение, когда жжение в легких утихло. Вист упал на газон лицом к небу и жадно глотал ртом прохладный воздух.

— Слабак. — Вист размахнулся и влепил себе пощечину.

Красный отпечаток на щеке пульсировал жаром. Его результаты были все еще хуже, чем у Кромвеля. Чтобы пре-
взойти его, придется отрастить вторую ногу. Вист попытался
встать, но упал обратно, пачкая белую майку в свежей траве.
Прачка пошлет его, когда увидит зеленую спину. Зацепив-
шись протезной ступней за заборчик, Вист забросил руки за
голову. Подняться не получилось, значит, пришло время ка-
чать пресс.

К рассвету отпустило, и Вист перелез на брусья. Постепен-
но застава оживала, просыпались в лесу ранние птички. Вер-
нулись с ночного обхода кинолог, группа пешего патруля, ко-
пошился в медпункте фельдшер Макаренко с доктором Га-
риным. Вист медленно и через силу ковылял по тротуару.
Ребро ладони вспотело, так часто он прикладывал его к го-
рячему и мокрому лбу. Голубое небо расцветало нежно-ро-
зовым бутоном за холмами, застрекотали ранние сверчки
и кузнечики. Стальной переплетенный скелет вышки при-
ковал к себе взгляд. Вист сглотнул и сделал неуверенный

шаг вперед. Страх брал его за нутро, связывал и оттаскивал дальше, велел уходить. Вышка будто раскачивалась от ветра. Кружилась голова. Защитная клетка лестницы отдалась гулом вверх и выглянул часовой. Скоро ему сдавать смену.

— Товарищ старшина! — Вист отдал честь и встал по стойке смирно. — Сержант Вист Лестаков. Разрешите подняться на вышку-четыре!

— Разрешаю. — Старшина козырнул ему в ответ и снова сгорбился, падая на неудобный складной стул.

С площадки, на которой вороньим гнездом ютилась круглая будка, вниз падать ровно семь метров, по ГОСТу. Вист боялся даже дышать этим странным и пугающим воздухом. У прожектора возникла смазанная фигура папы. Он внимательно всматривался в лесной массив, стоя спиной к тому месту, где сейчас был Вист.

Перила почти отцу по грудь, чтобы перегнуться через них, нужно приложить немало усилий. Версия следствия: птица сирий или гамаюн — отвлекла внимание, подлетела сверху и сбросила папу. На крыше будки крутился волчком магический радар, если кто-то и подлетел бы, то сразу был бы обнаружен. Висту эта версия не нравилась, слишком простая. Тут, в эстонской дремучей тайге, водилось достаточно нечисти, способной принимать человеческий облик. Вот только датчиков здесь натыкано, как грибов.

Вист представил, как находит нечисть. Как стреляет в нее. Не из луча, из винтовки. Он фантазировал, как из нечисти

выбивался дух, как она падала навзничь и как корчилась от боли. Как она умирала от поразительно точного выстрела в сердце. Это была такая нечисть, которую папа без проблем подпустил бы к себе.

— Красота, да? — старшина указал на изгиб Пиузы вдалеке.

— Ага, — поддакнул Вист, на реку даже не смотря.

Он потрогал перила и покачал их. Крепкие. Он закрыл глаза. Роковой момент: папа услышал что-то, поднялся к дежурному, которого там почему-то не оказалось, посмотрел куда-то, его кто-то толкнул. При падении с любой высоты любой человек, особенно такой собранный как папа, хватался бы за все. Но на выступах балок, кронштейнах и проводах по пути не было никаких следов. Оборудование не новое, все тот же совок. Версия Виста: дежурного с поста созвали вниз, тоже отвлекающий маневр, людей на заставе не хватало, устранители и пограничники готовились к обороне или атаке. Папа бежал на вышку, чтобы прицелиться, — потому что он отлично стрелял, — но там его поджидала западня! Эта версия нравилась Висту. И зачем птицам сбрасывать папу? Его убили без крови, а значит, нужно искать кого-то, у кого когти и зубы — не главное оружие.

— Благодарю! — Вист козырнул и спустился, на спортплощадке началось утреннее построение.

Завтрак и зарядку он уже пропустил. Из громкоговорителя цедился гимн. Наспех умывшись с бочки, Вист невольно

стал свидетелем чужого разговора. У КПП стояла женщина. Высокая, в расстегнутом пальто, с аккуратно уложенной короткой прической, в туфлях, которые уже насквозь пропитались утренней росой и грязью. Она стояла напротив Смирнова, и Вист видел, как мелко дрожала ее спина. Будто бы женщина плакала. Вист никогда бы не подумал, что у Комара была такая красивая жена. Что она в нем нашла?

— Лемар! — Она рванулась к шлагбауму. — Лемар! Что за фигня?! Я уже и в миноблору заявкун подала и на заставу звонила, говорят тут ты! Алене вру!

Смирнов долго смотрел на женщину, разглядывая ее заплаканные глаза и злое лицо. Потом перевел взгляд на свою руку, сжал и разжал пальцы, проверяя, слушались ли они его или нет.

— Простите, — сказал Смирнов.

Непривычно так стало, будто это уже и не Смирнов стоял, а кто-то нормальный, вежливый и даже виноватый. Женщина покачнулась и отцепила шлагбаум.

— Не подавайте, пожалуйста, на развод, — продолжал Смирнов. — Я скоро со всем разберусь. И... Вы очень красивая... Татьяна.

Плечи женщины опустились, и сама она как-то неестественно побледнела.

— Ты посмотри на меня. — Голос женщины был хриплым. — Посмотри, Лемар. Что ты городишь такое?!

Она схватилась за столбик шлагбаума, но Смирнов легко

подхватил ее и поставил на место.

— Татьяна, я все решу. Я уже совсем близок, спасибо, что приехали... Это ваш номер на восемьдесят три заканчивается? Я его запишу! Слышите, запишу и перезвоню вам! Скажите, что мне ответить Алене, я скажу, совру как смогу, но только не разводитесь! Я хочу сохранить эту семью, Татьяна!

Вист прижался к холодному бревну стены. Было такое ощущение, что кто-то снял с него скальп с затылка и натянул его на лопатки.

— Я ничего не понимаю... Ничего! — Женщина медленно оседала, хватаясь за шлагбаум.

— Татьяна, я обещаю, что делаю все возможное, что есть в моих силах.

— Что ты тут решаешь?! Во что мы вляпались, Лемар? Просто ответь! Ответь мне! Ты не можешь сказать? Это он? Кивни! Кивни, если это он все тут устроил!

Смирнов смотрел на жену. Утренний туман редел. Женщина кричала так громко, что к КПП начали выходить пограничники.

— Вляпался тут только я. Татя... Таня, потерпи немного...

— Что мне потерпеть?! Что мне сделать, Лемар! Ковалев ваш ирод! Я его засужу, слышишь меня? Посмотри на меня, Лемар!

Смирнов резко обернулся, а потом схватил женщину, перегнулся через шлагбаум и крепко поцеловал ее в губы. Ти-

шина навалилась такая, что заложило уши. Где-то далеко, уже за верхушками сосен, заскулил мотор машины. Вист хотел уйти, сделать вид, что ничего не видел. Но нога не слушалась. Где-то там, за туманом, осталась женщина, которая любила Смирнова, и девочка, которая его ждала. Вист отползал назад как партизан, не мешая чужой тайне существовать. Он понял, что застал что-то слишком интимное, и от этого осознания становилось неприятно. Хотелось снова умыться.

Старший дневной смены заканчивал читать задачи на день, когда Вист заметно и громко встал в строй. Он готовился отбывать наказание, писать объяснительную и портить себе репутацию в личном деле, но вместо этого старший молчал. Вист нашел Смирнова. Он был никакущий, еще хуже, чем вчера. Будто кто-то выпил из него жизнь.

— Товарищ Смирнов! — не выдержал Вист. — Я опоздал на построение по неуважительной причине!

— Возьми с полки пряник, — отмахнулся от него Смирнов.

Висту пришлось догонять его, чтобы вымолить себе наказание. Смирнов шагал широко и быстро, Вист за ним не поспевал.

— Это дисциплинарный проступок, нарушение устава, подрыв вашего авторитета и авторитета дежурного по заставе! Подождите! Выдайте мне нарушительный лист! Товарищ Смирнов!

— Ты что, больной, что ли, Лестаков?! Иди служи, Роди-

на-мать зовет!

— Что мне сделать, товарищ Смирнов, чтобы вы меня наказали по уставу?

— Иди повесься.

Нарушение устава гарнизонной и караульной службы спустили ему с рук при всех. Вист смотрел Смирнову в сутулую спину.

«Что у него случилось? При чем тут ПЭЕ? Почему он с женой на «вы» разговаривает? Изменяет? Тут? С кем? Он же никуда не выходит».

На въезде уже трясся автобус с эстонскими номерами, разрывался с лаем Джульбарс. Сегодня Дамир не на обходе, а вместе с Вистом дежурил на КПП.

— Товарищ сержант, — Виста встретила ночная смена, — пограничный наряд с поста КПП сдал. За время дежурства нарушений границы не обнаружено. Технические средства контроля и выявления исправны. Пост и охраняемый участок границы в порядке. Для несения службы сдаем: луч, зубец, ультрафиолетовую лампу.

— Пост и охраняемый участок границы принял, — ответил Кромвель, принимая смену вместо Виста.

Он вырос внезапно, как привидение. Кромвель был на полголовы выше Виста, но сейчас казался бездушной скалой. Позвоночник закололо мурашками, стало неприятно и дискомфортно, собственная кожа показалась чужой. Приевшаяся рутина проглотила часть воспоминаний, и Вист сам

не понял, как включил компьютер. Он продолжал думать об утренней ситуации. Лезть в это дело Вист не собирался. Отношения Смирнова с женой странные, но лезть туда сейчас — лишняя трата времени. Висту хватало и других дел.

— Служба досмотра, прошу предъявить документы. — Вист визуально осматривал каждого пассажира, сверяясь с фотографиями в папке.

Никого из подозреваемых. Из автобуса вывалились эстонские туристы, копошась в сумках и судорожно выискивая паспорта.

— Сумки, багажи, ручная кладь — достаем, проходим в комнату и ставим на рельсы! — Вист говорил громко, но почему-то его никто не слушал.

Туристы перебивали друг друга на эстонском.

— Оупен ю бэг! Хэнд ит эт фор инспекшн! — Английский у него был намного злее, чем русский, страшный славянский акцент перепугал толпу эстонцев.

— Вы не понимаете, что нужно им переводить? — будто прочитав мысли Виста, за него вступился Дамир.

Что переводчик, что водитель с неким презрением смотрели на молодых пограничников. Старшее поколение эстонцев понимало русский на базовом уровне, потому что учило его в школе, и слова «сумка», «показать» — не были сложными. Они игнорировали их специально.

— У нас двадцать пассажиров, у каждого по две ручные кладь, вы хотите, чтобы мы все сейчас ринулись сдавать ба-

гаж? Думаете, мы не знаем, что потом будет? Вещи теряются, ценности пропадают, потому что вы их тащите себе в карманы!

— Такие правила, извините. — Виста не учили общаться с недалекими людьми. — Предъявите багаж на досмотр.

— Молодой человек, — водитель цокнул и закатил глаза, — не учите меня правилам. Правила я прекрасно знаю, и что лежит в наших сумках, только наша собственность! А у вас на границе воруют! Это все знают!

На КПП началась толкучка. Эстонцы вытесняли Дамира и Виста к стенке. Джульбарс рычал и лаял. Его от укуса отделял лишь твердый кожаный намордник.

— А с каких пор тут пацанов сразу после армии оставляют границу охранять? Взрослые дома есть? Где начальник?

— Если вы сейчас же не прекратите грубить, мы будем вынуждены вызвать подмогу, — холодным и ровным тоном отбивался Дамир.

— Я сейчас один звоночек сделаю, и ты со своим Бобиком быстро из этой формы вылетишь!

«Звонок. Связи. Блат», — обрывками слова доходили до Виста. Связи и блат у него имелись, навалом. А одна звезда до сих пор ждала часа, чтобы засиять.

— Прием, на связи Курага, — Вист включил рацию на волну, — нужна помощь внизу. Прием.

— *Прием, на связи Персик*, — из рации зашелестел высокомерный голос Идлена. — *С какой это стати ты решил*

попросить у меня помощи? Прием.

Судя по интонации, он упивался своей внезапной важностью.

— Прием, мне нужен умный и образованный оратор, такой, как ты, Идлен. Прием.

Вист врал, конечно же, в здравом уме никто не назовет Идлена таковым, но, к сожалению, выбирать не приходилось. Звать Смирнова — отвратительно, во всяком случае. Обращаться к Павлу Евгеньевичу — низко. Других Вист не знал. Как ясное солнце, к больным и убогим на землю спустился Идлен. Он шел по лестнице вышки медленно, оценивая масштаб проблемы, организованной Вистом. Идлен по-царски развел руками, словно ожидая, что к нему в эти объятия кто-то кинется. Ну, или хотя бы упадет в поклоне.

— Уважаемые граждане эстонцы! Туристы нашего прекрасного края! Добро пожаловать обратно на Родину! Уверен, что вы уже очень сильно соскучились по дому! Но! — Идлену не нужен был рупор, чтобы быть слышимым во всех углах КПП. — Чтобы попасть домой, вам придется отдать свои драгоценные сумочки и чемоданчики этим молодым людям! Иначе! — С паузой Идлен остановился, до конца так и не спустившись. — Иначе вы будете ночевать за забором, на русской границе, пока ваша виза не закончится и вас не депортируют обратно на любимую Родину. Вместо дома вам придется сидеть в КПЗ. Такой расклад событий вас устраивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.